

№2

Февраль 2022

Т УССКИЙ КЛУБ

Стр. 30

«ТАК ХОРОШО
В ТЕАТРЕ...»

Стр. 38

ВЕРШИНЫ
МИХАИЛА ЛОХВИЦКОГО

Стр. 50

НАДЕЖДА И РАЗОЧАРОВАНИЕ
БЕРНАРДО БЕРТОЛУЧЧИ

Стр. 9

«СПЕШИТЕ В ТИФЛИС...»

 ВТБ

 1000 ЗВОНОК ПО РОССИИ
БЕСПЛАТНЫЙ

VTB.RU

Банк ВТБ (ПАО). Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

И.о. главного редактора
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2 (196)
Февраль 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «СПЕШИТЕ В ТИФЛИС...»
КЕТИ ПЕРАДЗЕ
- 11 ПОЗДРАВЛЯЕМ!
- 12 ЗАГАДОЧНЫЙ МИР МУРМАНА ДЖИНОРИЯ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 16 УЧЕНЫЙ-КУДЕСНИК ДАВИД ГОЦИРИДЗЕ
МАРИЯ ФИЛИНА
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 «ТАК ХОРОШО В ТЕАТРЕ...»
НИНА ШАДУРИ
- 35 ОТ КОЛУМБА ДО МАКДОНАЛДСА
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 38 ВЕРШИНЫ МИХАИЛА ЛОХВИЦКОГО
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 45 НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЮБИЛЯР
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 50 НАДЕЖДА И РАЗОЧАРОВАНИЕ БЕРНАРДО БЕРТОЛУЧЧИ
СОСО ТУГУШИ
- 53 НЕЗАМЕНИМЫЙ

На обложке Фото **Александра СВАТИКОВА**

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

**ПЕТРОВСКИМ УКАЗАМ
220 ЛЕТ**

Конечно, с точки зрения наших толерантных времен, великий русский царь Петр I был самым настоящим самовластным кровавым тираном. И секли при нем за малейшую провинность, и казнили, и бороды боярам этот монарх лично рубил. А кто отказывался, был вынужден платить за ношение бороды ежегодно по пятидесяти рублей золотом, что было несусветной суммой. Неспokoйным и шумным было его царствование, шумным на все века и великим. Изменил он древнюю Русь, превратил в современное государство, изменив старинный уклад жизни. И изменения коснулись решительно всех областей. Представьте себе, в феврале 1702 года Петр Алексеевич своим указом запретил даже... подписываться уменьшительными именами, падать пред царем на колени и зимою снимать шапки перед дворцом. Действительно, какие там Ивашки с Сеньками в просвещенном XVIII веке – они должны зваться со всем уважением Иваном сыном Петровым или Семеном Игнатовичем. Такто, а иначе без самоуважения как торговым или промышленным делом заниматься. И в ножки падать, шапки ломать перед государем отныне незачем – несовременно это, любезные верноподданные!

**КРЫЛЬЯ РОДИНЫ, ИЛИ
ЗАБЫТЫЙ ГЕНИЙ**

Насколько велика наша земля талантами и гениями, настолько была тяжела их доля. А подчас их ожидала и вовсе трагическая судьба. В семидесятых годах XX века академик Иван Артоболовский сказал в своем слове на смерть легендарного американского авиаконструктора русского происхождения Игоря Ивановича Сикорского: «Вот были два великих авиаконструктора – Игорь Сикорский и Константин Калинин. Первого Америка похоронила как национального героя, а второго... загубили молодым у себя дома». Вот так так, а мы такого имени и не знали – Туполева, Ильюшина, Поликарпова, Антонова и Микояна знали, а о Калининe практически ничего и не слышали. От него ничего не осталось, кроме странного «К» в маркировке первых советских серийных пассажирских самолетов. Сам Калинин предпочитал говорить, что это не от его фамилии, а от слова «Коллективный». Его очень любила команда конструкторов и механиков, а он их считал своей семьей: они с ним начинали в 20-х в Киеве, вместе переехали в Харьков, а затем в Воронеж. Их совместные творения под руководством Калинина: К-1 и К-2 в 1925 и 1927 годах, первый в мире санитарный К-3, усовершенствованный К-4 в пассажирском, санитарном, аэрофотосъемочном и военнотранспортном вариантах и вытеснивший иностранные самолеты с первых авиатрасс К-5. В далеком 1933 году Калинин даже построил небывалый К-7 – самый большой в мире самолет на 128 пассажиров, которые размещались... в гигантских крыльях, а в военной модификации он мог перевозить более сотни десантников и как бомбардировщик нести 16 тонн бомбовой нагрузки. А чего стоило его изобретение бомбардировщика К-12 – самолета, выполненного по схеме

«летающее крыло», который он показал на воздушном параде в Москве летом 1937 года. Этот человек опередил свое время. В 1958 году английский журнал «Air Pictorial» поместил фотографию К-12 с красноречивой подписью: «Эта машина явилась прототипом всех современных сверхзвуковых самолетов». А происходил этот самородок из семьи военного писателя и дочери обедневших немецких дворян. Жили они в Варшаве. Константин родился 5 февраля 1887 года. Окончил реальное училище и с отличием учительскую семинарию. В юности примкнул к революционерам и просидел в тюрьме, пока старший брат с друзьями не внесли за него залог в три тысячи рублей. Чтобы немного исправить анкету и получить возможность в будущем на нормальную жизнь, Константин записался в армию, а после поступил в Одесское юнкерское училище, где во время праздника впервые увидел самолеты и сразу и на всю жизнь влюбился в небо. По окончании училища Калинин отправился с молодой женой служить на Дальний Восток, где научился управлять самолетом. С началом Первой мировой войны он был переведен в Кронштадт в артиллеристы и показал себя умелым офицером. Его наградили и дали возможность выбрать место службы. Он добился перевода в Гатчинскую офицерскую воздухоплавательную школу, откуда был выпущен настоящим военным летчиком. Потом Калинин воевал на румынском фронте, командовал авиаотрядом, был награжден орденами. Он совершил подвиг, успешно проведя бомбовую атаку стратегического моста. А еще он первым использовал радиосвязь для корректировки артиллерийского огня. В Гражданскую войну он не сразу принял большевиков и воевал сначала в польской армии, а потом служил в авиаотряде Директории гетмана Скоропадского. Но в дальнейшем разочаровался, вступил в РККА и стал красным военлетом. По окончании Гражданской Калинина перевели в Москву и позволили поступить в будущую Академию Жуковского, но окончить ее не дали. До диплома не хватило пары месяцев – отчислили, как «бывшего офицера и

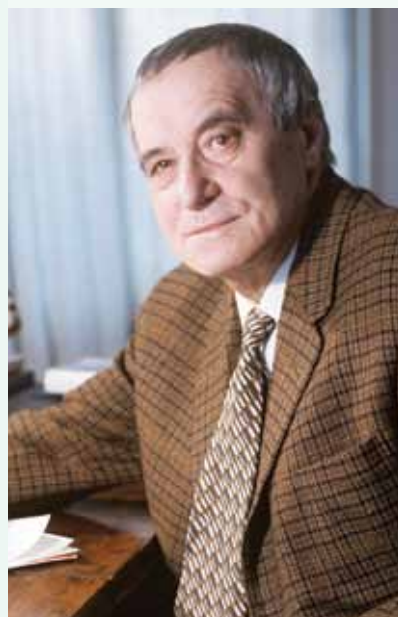

дворянина». Пришлось возвращаться в Киев, где друзья помогли ему поступить в знаменитый Политехнический институт, сразу на четвертый курс. Параллельно Калинин устроился работать на авиазавод №6 заведующим конструкторским бюро. И там он, еще не закончив КПИ, создал свой первый самолет «Добролет». Так началась блистательная карьера советского авиаконструктора мирового класса. Увы, ему было отпущено всего двенадцать лет творческой работы. Ночью первого апреля 1938 года в его квартиру пришли с ордером на арест, больше гениального авиаконструктора Калинина никто не видел. Его «К» еще долго летали в глубинке, некоторые переоборудованные в военно-транспортные и разведывательные самолеты воевали в Великой Отечественной войне. А их создатель сгинул в пучине Большого террора, и имя его было почти забыто. Только в последние годы оно вернулось в историю.

ВАЛЕНТИНУ КАТАЕВУ 125 ЛЕТ

Попробуйте угадать, о ком так говорили известные люди. «В нем есть настоящий бандитский шик», – так сказал о нашем герое поэт Осип Мандельштам. «Офицер. Георгиевский кавалер. Демобилизован. Вырос, возмужал», – так приветствовал его Иван Бунин – первый русский Нобелевский лауреат по литературе, которого наш герой считал своим учителем. А так его вспоминает Семен Липкин, известный поэт и переводчик великого киргизского эпоса «Манас»: «Высокий, молодой, красивый, встал на одной из опрокинутых дамб и с неистребимым одесским акцентом произнес: «Сейчас молодой бог войдет в море». Он был действительно хорош собой, смел, отважен, остроумен и имел харизму вкуче с несомненным литературным талантом. Он родился в конце января 1897 года в веселой, жизнерадостной Одессе. Его отец был преподавателем юнкерского и епархиального училищ, а мать была дочерью гене-

рала из полтавской мелкопоместной дворянской семьи Бачей. Эту фамилию он даст главному персонажу своей почти автобиографической повести Пете Бачею. Да, наш герой – знаменитый советский писатель Валентин Петрович Катаев, со дня рождения которого в этом году исполняется 125 лет. Этот яркий человек почему-то многими воспринимается детским писателем, но, кроме «Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи», «Сын полка» и сказки «Цветик-семицветик», он писал много другой разнонаправленной литературы от «Время, вперед!» и «Я, сын трудового народа» до гениальной «Травы забвения» и очень популярного романа «Алмазный мой венец». Случалось, что ему доставалось немало критики, и даже были попытки запретов, как с повестью «Уже написан Вертер», которую называли «антисоветской». Но при этом его советская власть, в общем-то, любила, но... всегда немножко подозревала в неискренности. И скажем честно, не без оснований. Катаев – боевой и заслуженный русский офицер Первой мировой войны, конечно же, не сразу принял новую власть и даже был какое-то время белогвардейцем и заговорщиком, что до самых последних лет жизни скрывал. Как и то, что был арестован страшной ЧК. Оттуда его спас друг детства, бывший там следователем. В итоге Валентин Петрович уехал в Москву в составе литературного «одесского десанта» – целой группы блестящих молодых одесских литераторов: Ильи Ильфа с Евгением Петровым (это младший брат Валентина Катаева), Юрия Олеши, Эдуарда Багрицкого и других. Там они пришлось к месту и быстро прославились, а Валентин Петрович стал главной и успешной знаменитостью. Сказать, что он заигрывал с

властями, было бы неточно. Его в лихие года Большого террора не тронули, а он ни на кого доносов не писал и многим пытался помочь, тому же Мандельштаму. В войну Валентин Петрович был военным корреспондентом, в тылу не отсиживался и храбро ездил на фронт под пули. А после писал «честную прозу» и помогал молодым литераторам. Скажем откровенно, немного в истории советской литературы таких достойных и талантливых писателей. Сейчас можно признать, что это был незаурядный и даже великий писатель. Хотя и недооцененный нынешним читателем. Итак, Валентин Петрович Катаев – советский писатель, русский дворянин, офицер из окопов Первой мировой, Георгиевский кавалер, белогвардеец, журналист, поэт и драматург, а впоследствии – депутат Верховного Совета СССР, основатель и первый главный редактор журнала «Юность», Герой соцтруда... Вот такая непростая биография была у этого блестящего человека. Вспомним его добрым словом и перечитаем его великолепные книжки.

«СПЕШИТЕ В ТИФЛИС...»

— Кети ПЕРАДЗЕ

В Малом зале театра имени А.С. Грибоедова собралось много зрителей, они пришли на презентацию книги известного отечественного поэта и журналиста Владимира Головина «Спешите в Тифлис...»: путеводителя по адресам, связующим деятелей русской культуры со столицей Грузии. Соскучившись по общению из-за ограничений, вызванных пандемией, люди не могли наговориться друг с другом, виновник торжества встречал гостей в фойе театра, предлагал ознакомиться с новым номером журнала «Русский клуб» и с улыбкой сообщал, что «после презентации все получают книги с автографом».

Открытие памятника А.С. Пушкину в Тифлисе. 1892

Дата проведения мероприятия, 10 февраля, была приурочена ко дню памяти великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Именно в этот день 185 лет назад он ушел из жизни.

Презентация представляла собой театрализованную постановку. Автор книги сам написал небольшой сценарий, который перенесли на сцену артист Театра им. А.С. Грибоедова Олег Мчедlishvili и учащиеся Творческого центра Art BOOM под руководством Юлии Андгуладзе – Виктория Мачарадзе, Кетеван Метревели и Роман Гаспарян. Исполнители цитировали отрывки из «нестандартного путеводителя», а на большом экране, под узнаваемые городские песни экспонировались портреты выдающихся русских писателей, художников, композиторов, фотографии тбилисских домов с мемориальными досками, где они проживали в разные годы.

Всего в книге представлено более 40 адресов, более 200 фамилий, а первый в этом ряду – Пушкин, и чтение, естественно, начали с главы, посвященной автору «Евгения Онегина»:

«В 1829 году Пушкин отправляется на Кавказ далеко не в самом лучшем настроении. Тяжелым гнетом давит негласный, но бдительный взгляд «государева ока» – жандармского ведомства графа Бенкендорфа. На личном фронте – неудача, в конце апреля рука и сердце предложены Наталье Гончаровой, но ее мать заявляет, что девушка слишком молода, и это, по признанию Пушкина, сводит его с ума. В общем, больше оставаться в Петербурге поэт не может. В поездке за границу ему отказано, он просится на войну с турками, но ответ категоричен: «Государь благосклонно принял ваш вызов, но изволил отозваться, что, так как все места в армии уже заняты, то Его Величество воспользуется первым случаем употребить отличные дарования ваши на пользу отечества». Однако Пушкин уже решил: «или на войну», или «вон из России». И, не спрашивая высочайшего дозволения, он берет подорожную в Тифлис. Маршрут традиционный для русских литераторов, в жизни которых вольнолюбивый Кавказ во все времена играет особую

роль. К тому же ему есть с кем встретиться – в Грузии служат его брат Лев и друзья юности. Да еще появляется возможность отдать дань популярнейшему тогда жанру – описанию путешествия... Пушкин далек от той бронзовой непогрешимости, в которую его так стараются облачить теперь, ежедневно шалит на тифлисских улицах, «ни на кого и ни на что не обращая внимания». На базарах «якшается» с не блещущими чистотой рабочими-мушамы, на улицах затевает с мальчишками чехарду, а на Эриванскую площадь выходит «в шинели, накинутой прямо на ночное белье», покупая груши, и тут же, «в открытую и не стесняясь никем, поедая их». Да и вообще, «перебегает с места на место. Минуты не посидит на одном, смешит и смеется»...

Совсем по-иному вспоминают его в домах местной интеллигенции. «Нужно ли говорить о том, с каким восторгом приветствовали все Великого Поэта на чужбине? Всякий, кто только имел возможность, давал ему частный праздник или обед, или вечер, или завтрак, и, конечно,

На сцене – Олег Мчедлишвили и юные артисты

Владимир Головин

Раздача автографов

всякий жаждал беседы с ним», – свидетельствует почитатель поэта Константин Савастьянов. Да и у самого Пушкина – приятные воспоминания: «В Тифлисе я пробыл около двух недель, познакомился с тамошним обществом... Они вообще нрава веселого и общежительного». Еще одно воспоминание Савастьянова касается посещения Пушкиным совсем свежей могилы Грибоедова, – «перед коей Александр Сергеевич преклонил колена и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы».

В книге должное место уделено описанию жизни и деятельности в Грузии другого Александра Сергеевича – Грибоедова, его недолгого счастья с княжной Нино Чавчавадзе. Владимир Головин подробно рассказал о том, как поэт и дипломат учил дочь своего друга, генерала Александра Чавчавадзе, игре на фортепьяно, как признался ей в своих чувствах, и наконец, об их венчании в Сионском Патриаршем соборе: «во время обряда обручальное кольцо выпало из руки жениха, задрожавшей от приступа маля-

рии и многие сочли это плохим предзнаменованием»...

В доме №15 по улице Шалвы Дадиани жил известный русский художник маринист Иван Айвазовский. «Принимают его в одном из лучших домов города, принадлежащего знаменитому предпринимателю и меценату Михаилу Тамамшеву. К услугам долгожданного гостя – просторные помещения, которых хватает и для жилья, и для обустройства мастерской. Она необходима – Иван Константинович не может не работать, он начинает писать столь

А. С.
ПУШКИНЪ.

Здание городской Думы на площади Паскевича-Эриванского

порадившие его виды Кавказа. Художник полагается не только на зарисовки, но и на свою поистине фотографическую память и пишет очень быстро, иногда создавая картину за день-два. Легко работается ему в Тифлисе. По натуре он очень общителен, сразу приобретает в Тифлисе массу знакомых, а те не преминут появляться у него в мастерской, сотрясают воздух по мере того, как на холсте возникают горы и ущелья, реки и водопады»...

В доме №16 по улице Чайковского жил сам Петр Ильич, не предполагая, что в будущем эта улица будет носить его имя. Великий композитор приезжал сюда пять раз с 1886 по 1890 годы. Первые впечатления о Тифлисе: «Город восхитительно живописен... Главные улицы очень оживлены, магазины роскошны и совсем Европой пахнут. Зато, когда я зашел сегодня в туземный квартал (Майдан), то очутился в совершенно новой для меня обстановке. Улицы необыкновенно узенькие, как в Венеции; с обеих сторон внизу бесконечный ряд лавчо-

нок и всяких ремесленных заведений... В общем, Тифлис мне очень по сердцу»...

В доме №14 по улице Ингороква прошли детство и юность Микаэла Таривердиева, «которого мать звала Балик, друзья – Мика, а он сам себя Гарик. Родился он в 1931 году в районе Дидубе. А потом Таривердиевым дают государственную квартиру на этой улице, которая носила имя Дзержинского». Позднее известный композитор вспоминал: «Мама никогда не потакала моим глупостям». Судя по его воспоминаниям, шалостей в своей жизни Микаэл натворил немало. «Бедная моя мама! Сколько ей пришлось переволноваться за меня! У меня были постоянно меняющиеся страсти. Я занимался боксом, фехтованием, лошадьми, мотоциклом, плаванием. Периодически меня приносили домой то с перебитым носом, то окровавленного после того, как я вылетел на полном ходу из мотоцикла или упал с лошади. И все-таки лет в тринадцать – четырнадцать музыка перебила все другие увлечения. Все ста-

ло менее интересным»...

Это лишь небольшие отрывки из издания, которое читается на одном дыхании.

Под занавес артисты пригласили на сцену самого Владимира Головина: он был предельно краток, ни словом не обмолвился о том, какой огромный объем работы провел, собирая и обрабатывая материалы для путеводителя; сердечно поблагодарил своих коллег и сотрудников, внесших вклад в создание книги – Александра Сватикова, Марину Мамацашвили, Давида Элбакидзе-Мачавариани, Елену Галашевскую и пригласил присутствующих перейти в фойе театра для получения книг с автографом...

Когда несколько месяцев назад в редакции журнала «Русский клуб» мне сообщили, что готовится к изданию подобная книга, я была несказанно рада, ведь это ценный справочник, дающий возможность журналисту написать интересную статью, гиду – составить увлекательный тур. А еще – это дорогой подарок для всех любителей литературы.

СВЕТИТЬ ВСЕГДА!

Как хорошо известно, почти невозможно сосчитать, сколько зерен в мешке, сколько капель в море и сколько звезд на небе.

Но, уверяем вас, есть на белом свете кое-что еще, так же сложно поддающееся исчислению. Мы не беремся утверждать наверняка, сколько спектаклей «осветил» главный художник по свету Театра им. А.С. Грибоедова Теймураз Сухишвили. Их очень много – во множестве театров Грузии, близкого и дальнего зарубежья. Счет идет на многие десятки, если не сотни. Что и не удивительно – почти сорок лет в театре. При этом, как уверяют специалисты, его спектакли узнаешь с первого взгляда – особый почерк мастера своего дела сквозит в каждом световом «мазке».

А попробуйте-ка сосчитать награды, медали, кубки и титулы Теймураза Сухишвили в бадминтоне! Собе-

тесь! Он и тут – профессионал высшего класса.

26 февраля маэстро света исполняется 65 лет.

Сердечно поздравляем! Желаем радости, здоровья, благоденствия!

И пусть, дорогой Теймураз Павлович, всегда горит Ваш ясный свет – в семье, в душе и, конечно, в родном Грибоедовском!

ЗАГАДОЧНЫЙ МИР МУРМАНА ДЖИНОРИЯ

— Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

В моих детских воспоминаниях Мурман Джинория навсегда остался в образе Серго из знаменитой телевизионной постановки «Сначала умерли, затем поженились»: высокий, статный брюнет в черном мундире с цветами в руках, стоящий у окошка и ласково зовущий любимую: «Машикооо, суликооо!» Трудно поверить, что в этом году актеру исполнилось 75 лет. Собирая материалы о его биографии, я с удивлением обнаружила, что у него нет почетных званий, хотя для меня и многих наших соотечественников он уже давно народный артист. Выступая на одном из вечеров, Джинория сказал: «Званий у меня нет, моими званиями являетесь вы – зрители».

Родился будущий актер в семье педагогов, мама – преподаватель химии, отец – лектор по истории. Мама была большим театралом, в те времена люди покупали абонементы, и она водила их с братом в театры Руставели, Марджанишвили, оперу. Джинория вспоминает, что смотрел почти все спектакли, а что пропустил – мама в подробностях пересказывала ему. Именно таким образом он «познакомился» с «Гамлетом» и «Уриэль Акоста». «По ее пересказам в моем воображении открывался

сказочный мир театра, тогда на сцену выходили Ушанги и Верико, Серго и Акакий Хорава...» В те времена еще существовала радиопередача «Театр у микрофона», которую он очень любил, замороженно слушал монологи Ушанги Чхеидзе из «Гамлета», сцены, записанные им совместно с Верико Анджапаридзе в «Уриэль Акоста». Параллельно с учебой в школе посещал драмкружок Дворца пионеров, где педагогом был актер Вахтанг Сулаквелидзе, известный широкой публике по фильму «Квев-

ри». Джинория признался, что до четвертого класса мечтал стать футболистом, но позже решил стать актером. Окончил 22 среднюю школу с золотой медалью. «Родители испугались, когда я выразил желание поступать на театральный, в нашем окружении никого не было с такой профессией, «это немного сложно, может, сначала поступишь в какой-нибудь другой институт, попробуешь свои силы», – сказал папа, он, наверное, надеялся, что если я пять лет проучусь в техническом ВУЗе,

то передумаю, но я не отказался от замысла». Тем не менее Мурман поступил в Политехнический институт (ГПИ), при нем был театр, которым руководил режиссер и актер Борис Ципурия, там Мурман сыграл три роли, одну из них в спектакле по произведению Нодара Думбадзе «Не бойся, мама».

Когда решил поступать в театральный, обратился к Темуру Чхеидзе, с которым был знаком еще со времен учебы во Дворце пионеров: там отец будущего режиссера – Нодар Чхеидзе обучал молодежь художественному чтению. «Пришел к Темуру, сказал, что сдаю туда, узнал, что Миша Туманишвили набирает группу, а вы ассистент в приемной комиссии, он ответил: – «да, Мурман, но главное, как ты покажешь себя», – вспоминал Джинория. На экзамене он прочитал стихотворения Акакия Белиашвили и Тициана Табид-

зе. Затем начал читать прозу и говорить с ярко выраженным имеретинским акцентом, Туманишвили в изумлении повернулся и посмотрел на Чхеидзе, – «тут я понял, что Темур сказал Мише – «это тот самый мальчик, который ходил во Дворец пионеров». И меня приняли».

Джинория рассказал, что был студентом, жаждущим знаний: его интересовали все предметы, которым учили в театральном институте, а не только актерское мастерство и художественная речь. Он с радостью посещал занятия по вокалу, хореографии, фехтованию, ритмике, изобразительному искусству. «Потому что мне всегда хотелось быть актером. В ГПИ мне приходилось учить физическую и коллоидную химию, высшую математику и т.д. И вдруг я попал туда, где мне всегда хотелось быть, представляете, я был как губка, жадно

впитывал любую информацию». В мастерской Михаила Туманишвили он прошел хорошую школу, к тому времени режиссер уже покинул театр, и всю энергию отдавал своей группе. Тогда Михаилу Ивановичу было 50 лет, он был на творческом взлете, и Джинория благодарен богу, что именно в тот период учился у великого мастера. Студентом первого курса он сыграл в спектакле «На перекрестке», поставленном Мишей Туманишвили одну из главных ролей. Режиссер тогда был художественным руководителем телевизионного театра. Через два года в театре Руставели Туманишвили поставил «Юлия Цезаря», Джинория он поручил небольшую роль с текстом. Уже на четвертом курсе Мурман сыграл роль Серго в спектакле Рафизла Эристави «Сначала умерли, затем поженились» и проснулся знаменитым.

Кадр из фильма «Закон вечности»

Кадр из фильма «Откройте окна»

«Сначала умерли, затем поженились»

Снимал постановку режиссер Георгий (Каха) Кахабришвили, а Миша Туманишвили как худрук проводил репетиции с молодыми актерами. Он сказал то, что запомнилось навсегда «Мурман, реплику – «Машико, сулико» ты должен сказать так, чтобы когда постановка выйдет на экраны, весь Тбилиси ее по-

вторял». Прошло уже более сорока лет и до сих пор, когда актера встречают на улице, эту фразу обязательно вспоминают. В этом спектакле Джинория был партнером великого грузинского актера Васо Годзиашвили. «Представляете, я, который маленьким мальчиком, увидев на улице таких корифеев как Серго, Верико или Сесилию, с восторгом бегал за ними, вдруг оказался рядом с Годзиашвили

Джинория, постановка получилась успешной потому, что многие факторы, имеющие большое значение при создании спектакля, органично соединились: за основу взяли прекрасное произведение, ставили опытные режиссеры, музыкально оформил и написал песни гениальный Георгий Цабадзе, текст песен сочинил неповторимый Петре Грузинский, к этому добавился великолепный актерский ансамбль – Васо Годзиашвили, Гиви Берикашвили, Заза Лебанидзе, и молодые актеры тоже великолепно справились со своими ролями. Премьера спектакля состоялась на Первом канале грузинского телевидения в 1975 году, и сразу заслужила любовь аудитории. По словам актрисы Русудан Болквадзе, Мурман Джинория не мог выходить на улицу так, чтобы целая армия влюбленных женщин не шла вслед за ним, а Гиви Берикашвили с ног до головы был настоящим фейерверком, прекрасная Марина Вепхвадзе явилась олицетворением нежности и красоты, не говоря уже о музыке и песнях. Прошло столько лет, а постановка не стареет, несмотря на то, что пьесу часто показывают по телевидению, люди хотят смотреть ее снова и снова. «Как в кинематографе осталась картина «Кето и Котэ», я думаю, также в телевизионных постановках осталась пьеса «Сначала умерли, затем поженились». Спасибо судьбе, режиссерам, и всем, с кем вместе мы создавали эту постановку», – отметил Джинория.

Тайна перевоплощения

По словам актера, когда он был маленьким и видел в театре игру великих грузинских актеров, ему особенно нравилось, что в одном спектакле они представляли перед зрителем в одном образе, а в другом спектакле – совершенно в ином. Став актером, он осознал суть перевоплощения, понял то, что наравне с перевоплощением важно быстро переходить из одного состояния в другое. Именно этот момент таинства и мистики для Джинория составляет основу актерской про-

Сцена из спектакля «12 разгневанных мужчин»

фессии. Вроде бы человек стоит перед зрителем, но вместе с тем, его там нет, думаешь, что знаком с этим актером, но когда он выходит на сцену, ты уже не узнаешь его, потому что он всецело поглощен ролью, создает совершенно новый образ. «Тогда я был страстно увлечен антропософией и с ее помощью переходил в состояние воображения. Для меня как актера главное, чтобы у меня было что сказать зрителю, для этого я читаю стихи и играю на сцене ту или иную роль. Люблю актерство с азартом, то, как принимаю облик другого человека, как по-разному олицетворяю различных персонажей. Люблю абсолютно все свои роли. Знаете, почему? Когда сейчас смотрю на сыгранные много лет назад роли, понимаю, что не сделал бы больше того, что сделал», – подчеркнул Джинория. По его словам, аудитория всегда ждет от актера чего-то нового, и поэтому он должен очень много думать, много читать, анализировать, и вместе с тем быть открытым. Зритель сразу понимает, талантлив актер или нет – точно видит его дарование... И принимает артиста. Ему посчастливилось быть партнером таких великих актеров, как Васо Годзиашвили, Гиви Берикашвили, Тенгиз Арчвадзе, Кахи Кавсадзе, Гурам Сагарадзе, Гоги Гегечкори, Эроси

Манджгаладзе. Мурман с сожалением отметил, что сегодня актеры не испытывают благоговения от того, что играют в театре Руставели, они воспринимают это как должное, думают, что они это заслужили. Но никто ничего не заслужил. Мы все здесь временно, как и временно пришли в этот мир. «Сейчас, когда я хожу в театр Руставели, вот уже полвека являюсь профессиональным актером, даже сегодня прихожу в восторг от того, что хожу по сцене, на которой играли Ушанги Чхеидзе, Верико Анджапаридзе, Акакий Хорава. Если у человека нет этого возвышенного ощущения, он не сможет быть партнером этих великих актеров. Это ощущение давало мне силы, когда играл рядом с ними».

Поэзия – неотъемлемая часть творчества артиста, по произведениям грузинских поэтов он поставил несколько моноспектаклей. Джинория признался, что в жизни не такой уж смельчак, но на сцене и в искусстве очень даже смелый, – «знающие люди понимают, как сложно одному выходить на сцену и читать стихотворение перед огромной аудиторией. Мне легче сыграть десять спектаклей, чем декламировать стихи. Очень нелегко, но нужно смочь». По его словам, стихи помогают передать различные состояния человеческой души:

ностальгию, грусть можно выразить, читая Терентия Гранели, когда нужно объяснить какое-то необычное явление – обращаешься к Галактиону, в «Мерани» Николоза Бараташвили главное не то, что всадник сидит на лошади, конь в греческой мифологии означает душу, которая стремится к вечности, если с учетом этих особенностей читать «Мерани», тогда текст стихотворения воспринимается совсем по-другому. В искусстве актера главное то, что аудитория, слушая стих, полностью отрешается от реальности и переходит в воображаемый мир, который артист раскрывает перед зрителем. «Когда я читаю перед публикой произведение Гранели, люди видят меня, но при этом слышат голос Терентия. Хочу выразить огромную благодарность грузинской словесности, что мне, мягко говоря, немолодому человеку, она все же дарует радость живого общения со зрителем, чтение каждого стиха возвращает меня в молодость, и мне кажется, что я «все еще тот мальчик, кудрявый, маленький» (строки из известной песни).

В статье использованы фотографии с сайта театра Руставели и из фондов Национальной парламентской библиотеки Грузии.

УЧЕНЫЙ-КУДЕСНИК ДАВИД ГОЦИРИДЗЕ

■ Мария ФИЛИНА

Не думается о том, как и что пишется: сверлит одна мысль – лишь бы этого не писать.

Не стало Давида Гоциридзе – ученого, профессора, педагога, директора Института славистики ТГУ им. Ив. Джавахишвили, друга со студенческих лет, с которым учились и работали вместе на протяжении полувека.

У всех, кто его близко знал, реакция была: «Не может быть!» Полный сил и планов, энергичный жизнелюб! Да, в последние годы он прошел через операции по разным поводам, перенес ковид, но возрождался, шел дальше со своими замыслами – элегантный и, как всегда, импозантный, с неиссякающим запасом юмора. И на эту, последнюю, операцию отправился «своими ногами», она предполагалась совсем не смертельной. Когда мы узнали об осложнении, молились все эти дни, когда Дато боролся со смертью. И верили в него. Роковым силам было угодно внезапно вырвать его из жизни.

Истинный грузин, настоящий

тбилисский интеллигент, яркий футболист (он был чемпионом СССР по футболу среди юниоров), Дато избрал своей специальностью русскую филологию. И принадлежал двум культурам – родной грузинской и русской. Это глубинное понимание разных культурных и языковых стихий было одним из залогов его научных достижений и широты взглядов.

Возможно, те, кто принадлежат лишь одной языковой стихии, могут глубже ощущать ее потаенные кладовые, но тот, кто постоянно живет в сопряжении разных языков и менталитета, в определенном смысле обладает возможностью мыслить иными ассоциациями и категориями.

Давид был особенным уже в студенческие годы – солидный и задорный, неторопливый и стремительный (профессиональный спортсмен!) одновременно. И славился своими розыгрышами, которые устраивал с самым невозмутимым видом. Это были особые розыгрыши и шутки – интеллектуальные и мальчишеские – такое сочетание нечасто. Вспоминается поездка на студенческую конференцию в

Тарту. Давид, Георгий Хухуни, ныне покойный Андрей Лордкипанидзе... Еще в ожидании полета, кроме прочих разговоров, мы обратились к исторической грамматике. Я и Георгий уже сдали этот предмет «грозе» нашего отделения русистики Элеоноре Львовне Кремер. Дато и Андрей учились на курс младше и должны были писать контрольную сразу по возвращении – с таким условием их отпустили на конференцию. Ни я, ни Георгий не смогли вспомнить формы творительного падежа уж не помню каких «древних» существительных. После долгого пути через Ленинград и Таллинн мы оказались в общежитии Тартуского университета, напоминавшего старинный замок, а может быть, и расположенного в монастыре или замке. Нас провели по бесконечным коридорам и предложили отдохнуть. Но Дато попросил провести нас на кафедру русского языка. Там он спросил: «Как у вас обстоят дела с творительным падежом древнерусских существительных?» – «А что такое?» – удивились принимавшие нас студенты и кинулись к учебникам. Мы заглянули в них, вспомнили то,

что было нужно, но Дато с серьезным видом спросил: «Как, у вас нет кафедры творительного падежа?» – «Нет как будто, а у вас есть?» – «Конечно», – ответил Дато. И сказал, что ею руководит такой-то профессор, назвав фамилию своего однокурсника. А на самой конференции он в докладе цитировал работы ведущих специалистов по своей теме, но пару раз сказал, что их мнение оспаривают иные специалисты и назвал фамилии своих самых отстающих сокурсников. Потом нас спросили: «Выступление Давида Гоциридзе было таким интересным, почему вы, его друзья, смеялись?» Дато стоял с прощающей улыбкой, мол, «нехорошо, но что поделаешь...»

Если где-либо сидели несколько человек – друзей, коллег, гостей, и все смеялись, а Давид был серьезным, значит, «автором» хохота был именно он – разыграл кого-то или «выдал» невероятную историю.

И этот шутник, блестящий тамада, любимец женщин стал большим ученым. Поражает список регалий, занятий Давида Гоциридзе и его участия в самых различных организациях, обществах и начинаниях.

Директор Института сла-

вистики Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили и зав. кафедрой языкознания в этом Институте, на определенном этапе зав. кафедрой общего и прикладного языкознания Батумского государственного университета им. Шота Руставели. Член правления МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы) – крупнейшей организации, объединяющей русистов всего мира. Почетный профессор СПбГУ. Член Нью-Йоркской академии наук. Президент Ассоциации «Многоязычная Грузия». Генеральный секретарь Ассоциации преподавателей русского языка Грузии. Член правления Общества истории языкознания им. Георгия Ахвледiani. Член Санкт-Петербургского лингвистического общества. Редактор журнала «Номо loquens» («Человек говорящий»). О некоторых его званиях и занятиях узнаешь впервые, и я уверена, что выяснится: Давид был членом еще неизвестных нам объединений.

На наше горестное сообщение о кончине Давида Гоциридзе отозвались многие коллеги со всех концов мира. В некрологе

президиума МАПРЯЛ читаем:

«Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы выражает глубокие соболезнования родным и близким выдающегося русиста Грузии, многолетнего члена Президиума МАПРЯЛ Давида Зурабовича Гоциридзе. Давид Зурабович принадлежал к разряду людей с особой, тонкой способностью к восприятию окружающего мира. Людей – прирожденных лидеров, мнение которых становится ориентиром для коллег и учеников. Любовь к русскому слову зародилась в нем еще в детстве, когда юный Давид слушал былины жившей в доме Гоциридзе русской женщины дворянского происхождения Натальи Ивановны Вырубовой, которая поразила мальчика своей изысканной, образцовой речью. Возможно, эти первые впечатления детства и стали для него решающими при выборе профессии филолога, а выбор стоял нешуточный: Давид Гоциридзе был чемпионом СССР по футболу среди юниоров, состоял в республиканской юношеской сборной... Давид Зурабович не любил использовать слово «карьерера» применительно к своей научной и педагогической деятельности, называя свой труд

На кафедре русской филологии в ТГУ

В Доме писателей на презентации книги нашей докторантки Саломе Бедукадзе «Письма Бориса Пастернака к грузинским адресатам»

«любимым занятием». Однако нельзя не отметить, что он прошел блестящий профессиональный путь, став безо всяких преувеличений главным русистом Грузии. Именно он поддерживал и направлял диалог филологов Грузии с коллегами из России и других стран мира, напоминая миру о ценности межкультурного диалога. Приобщившись к русской культуре через русский язык, грузинская культура расширила границы своего мира, смогла по-новому осмыслить свой собственный, получив уникальную возможность посмотреть на себя со стороны», – отметил Давид Зурабович в одном из интервью. Под руководством профессора Гоциридзе Институт русистики Тбилисского государственного университета стал одним из мировых «центров притяжения» для членов МАПРЯЛ. По инициативе и при его непосредственном участии здесь регулярно проводились конференции, семинары, конкурсы, выпускалась учебная и научная литература. Невозможно забыть то гостеприимство и радушие, с которыми Давид Зурабович принимал своих коллег на род-

ной земле. Давида Зурабовича не стало 14 января. Вместе с сообществом русистов Грузии скорбят русисты России и мира. Мы сохраним о Вас, дорогой Давид Зурабович, самые светлые воспоминания. Члены Президиума МАПРЯЛ, Секретариат МАПРЯЛ».

А вот один из откликов, в котором вырисовывается облик Давида таким, как его видели далекие коллеги: «Мы с глубокой сердечной печалью осознаем, какого замечательного человека потеряли. В Президиуме не только ценили Давида Зурабовича как ученого и подвижника общей идеи МАПРЯЛ, но и любили как друга, который приносил особую колоритную ноту в наше общение. Он одаривал нас удивительным обаянием. Интеллигентный, всегда элегантно, деликатно, с удивительным чувством юмора... Мудрый и добрый, он с огромным почтением относился к традициям, к памяти родителей, с заботой – к судьбе сыновей, с широко распахнутой душой – к друзьям. Мы все это успели узнать о нем. Много хорошего каждый из нас вспоминает о Давиде Зурабовиче Гоциридзе

в эти горькие дни. Он был неспешным человеком. Жаль только, что судьба поспешила отнять его у нас. Дорогой Давид, теперь в каждом православном храме, пороге которого я буду переступать, всегда будет гореть и моя свеча в память о твоей светлой душе. Татьяна Млечко, член Президиума МАПРЯЛ, председатель Молдавского общества русистов».

В последние годы Давид Гоциридзе был сопрезидентом ISAPL – Международного общества прикладной психолингвистики. В 2016 году он стал организатором 11-го Международного конгресса ISAPL в Тбилиси. В связи с разными обстоятельствами, а отчасти со стилем работы Давида, который в то время был занят еще несколькими делами, на последнем этапе мы жили в режиме острого цейтнота. Еще фактически накануне прилета гостей многое было не готово, все нервничало, кроме, как казалось, Давида Зурабовича. Теперь я понимаю, как трудно ему все давалось, но он сохранял невозмутимость. Менялось расписание, план работы, гостиницы, экскурсии, словом, все. И в последний

момент все «срослось». Участники прибыли со всех концов света, в том числе легендарная 86-летняя сопредседатель Леонор Скляр-Кабрал из Бразилии и другие мэтры психолингвистики. Гости были в восторге и от уровня научных встреч, и от экскурсий, и от банкета, где Давид был тамадой. Позже я сказала ему: «Говорят, у тебя много от Остапа Бендера, но Остап по сравнению с тобой был бедным мальчиком в одних штанах и с одним шарфом, а ты и сам добрался до Рио-де-Жанейро, и Рио привез в Тбилиси, организовал событие мирового масштаба». В ответ Дато посмеивался в усы.

Из всех, кого я знаю, лишь ему под силу было такое.

При всем этом он не приобрел облика мэтра и мании величия. Был органичным во всем и ко всему относился со смесью солидности, серьезности и иронии. Не раз в нашем Институте славистики Давид встречался с людьми из совершенно иных областей. Мы знали: затевается новое дело. Так в стенах ТГУ Давид принял на себя миссию реорганизации Грузинской академии образования, стал ее Президентом, при этом настоял, чтобы почетными президентом и членами правления остались маститые ученые и педагоги, придумывал названия – почетный президент, сопresident и т.д. Он трепетно относился к старшим, возмущался, когда в стиле времени пытались отстранить людей с большим жизненным опытом по возрастному признаку.

Давид был почитаем в самых разных научных кругах и общественных организациях: он многие годы сотрудничал с Батумским государственным университетом, с Грузинским политехническим университетом, читал там лекции, составлял оригинальные программы для коллег, был «своим» в Йенском университете им. Фридриха Шиллера, в Петербургском государственном университете, в Академии наук Грузии, в «Русском клубе».

Перечисление регалий и связей Давида Гоциридзе не исчерпывает полноты его участия в иных обществах и начина-

ниях, а тем более не отражает полностью его личности. Он нес в себе некую тайну. Казалось бы, Давид принадлежит своим друзьям (а их было множество), своим коллегам. Так и было, он умел дружить и был всегда открыт для общения. При этом в нем всегда ощущался и иной подтекст – то, что принадлежало лишь его миру. В этом смысле Дато был многомерным – он был с нами, но жил и неведомой для нас жизнью. При всем умении обратить в шутку тяжелую ситуацию, порой саркастично, если дело касалось каких-то недостойных поступков или явлений, Давид был очень тактичным человеком. Он никогда не вмешивался ни в чью личную жизнь, знал гораздо больше, чем говорил, охранял свою личную сферу, никогда не позволял себе даже поднять голос – его воспитание и выдержка были безупречными. Лишь самые близкие понимали, когда он внутренне возмущен или глубоко переживает ситуацию.

Давид был прекрасным сыном, любил свою семью, нежно относился к своим уже взрослым сыновьям Зурабу и Георгию, к родственникам, заботился о детях друзей.

Как он переживал смерть Роланда Комахидзе, Тамаза Кандарели и других ушедших друзей! Но при всей своей, казалось бы, открытости проявлял это скупой, не желая расстраи-

вать собеседника.

Он ценил традиции и одновременно был новатором. Давид постоянно был в развитии, более того, в последние годы его творческий потенциал раскрывался все новыми гранями – это редкое качество, когда планы с годами не сокращаются, а все расширяются. Собирался издавать словари, записывать видеолекции и тренинги, расширять обучение в магистратуре, ввести модуль «Богемистика», которого не было в Грузии.

Давид Гоциридзе был неистощим на выдумку, которая необходима в интердисциплинарных исследованиях. Он и мыслил интердисциплинарно. Осознав, что в традиционной русистике наблюдается кризис, как вообще в традиционной филологии, а тем более это касалось русистики в Грузии, которая, продолжая развиваться, все же столкнулась с самыми различными сложностями, в том числе связанными с сужением ареала функционирования русского языка, Давид поддерживал русистику различными дисциплинами – психолингвистикой, лингвокультурологией, расширяя ее границы и сферу применения. Принадлежность двум культурам позволяла Давиду Гоциридзе ощущать потаенные особенности человеческого менталитета, связанные с его лингвоэтническими составляющими. Психолингвистика –

Давид Гоциридзе с Мзией Чачуа на конференции в ТГУ. 2016

В гостях у Петра Филина в Берлине

дисциплина, которая находится на стыке психологии и лингвистики. Она исследует взаимоотношения языка, мышления и сознания. Лингвокультурология – это отрасль языкознания, которая изучает отношения между языком и культурными концептами. Это было стихией Давида Гоциридзе. Он, чувствуя потаенные связи между языковыми явлениями и способом человеческого мышления и поведения, поднимал самые неожиданные вопросы в этих областях, понимая, что за ними – будущее науки.

Импровизация – редкий жанр в науке, особенно традиционной. Давид был мастером этого жанра. Возможна ли импровизация в науке и помогает ли в ней чувство юмора? Это необязательные качества, но, думаю, они расширяют масштаб исследования – позволяют успевать в оценке стремительно развивающегося мира и с разных сторон увидеть его. Только дано это не каждому, и порой вызывает непонимание.

Но все знали: если на форуме, конференции или внутреннем обсуждении выступает Давид, это будет интересно и неожиданно. Он умел соединять несоединимое. В жизни и науке. При этом всегда работал и жил на той грани, которая отличает особую личность и не позволяет, даже если мысль звучит парадоксально, впасть ни в пустое «эквilibrium» терминами, ни в ненауч-

ные гипотезы. Вспоминаются знаменитые ахматовские строки: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Это в определенном плане применимо к научному мышлению Давида Гоциридзе. Из любой темы, слова, мысли он умел сделать научные исследование – элегантно, если это понятие применимо к столь строгой и традиционной науке, какой является филология. «Сор»-то должен быть особый... Давид изучал различные «концепты» – понятия и их многомерное функционирование, причем важнейшие концепты: «жизнь», «смерть», «власть» (большое впечатление произвел на 10-м конгрессе ISAPL его доклад «Концепт «власть» в английской, русской и грузинской этнических культурах»). Он умел поднимать сложнейшие проблемы изящно, как будто бы легко и почти шутя.

В науке, которая, безусловно, требует точнейших критериев в анализе и оценке, тем не менее остается место для собственного голоса ученого. Давид Гоциридзе, несомненно, имел собственный голос, неповторимый, подтвержденный масштабом личности. На самом деле он поднял многие проблемы, которые еще долго будут обсуждаться и исследоваться. Есть ученые-авторы идей и ученые-исполнители. Редко эти две ипостаси объединяются в одном человеке. Давид не стремился к созданию фундаментальных

монографий, хотя в его багаже ученого есть и монографии, но его буквально «разрывали» новые замыслы – в науке, педагогике, организации встреч и симпозиумов. Ввел многие курсы для студентов, которые доньше не читались в Грузии. Давал своим докторантам такие темы, осуществление которых было невозможно без его непосредственного участия. Для многих это оказывалось сверхзадачей и даже вызывало недоумение, но я верила в него и понимала, что каждый его труд и работа учеников при всей, казалось бы, излишней терминологической насыщенности, обращены к важным вопросам языкознания.

Он постоянно словно «рассыпал» идеи, раздавал коллегам и ученикам. Не все были согласны или способны их осуществить. Идеи были на стыке наук, даже в синтезе науки и жизни. Порой казалось, что он иронически любит загадкой, которую представил как название своей статьи, дипломной работы студента, диссертации докторанта. Но я знала – за этим скрыт одному ему известный смысл. Когда он выступал с докладом, эти несовместимые части неожиданно складывались, и «пазлы», как сейчас принято говорить, соединялись в интересную картину. А исследовал он в последние годы ментальную картину мира через языковые возможности и самовыражение человека.

Возможно, жизнь не давала ему целенаправленно сосредоточиться на фундаментальном труде, но, если собрать (а это нужно сделать) его выступления, статьи и книги, получится солидный том, имеющий значение для разных областей лингвистики – русистики, славистики в целом, психолингвистики. Его исследовательские интересы включают общее языкознание, теорию коммуникации, теорию и историю перевода.

Мы называли его «рачинским князем» – все свои дела Давид делал неторопливо, с чувством собственного достоинства, при этом улыбался в усы и комментировал события лаконично, нередко афористично. Он был несуетным, и часто казалось, что

погружен в себя и не участвует в общем разговоре. Но при внешней неторопливости Давид обладал на редкость живым умом, схватывал суть проблемы или вопроса и безошибочно реагировал.

И руководил Институтом он по-особому. Без начальственных указаний, без лишних совещаний, так принятых в наши дни. Он умел создать вокруг себя атмосферу душевного комфорта – это еще одно доказательство, что энергетика человека, в том числе начальника, – важнейшая составляющая жизни. Мы чувствовали себя защищенными, а это так редко в наши дни. Я порой думала: каким бы замечательным дипломатом он был. Но Давид и так за пределами Грузии достойно представлял свою страну, возможно, ярче иных дипломатов, и был истинным патриотом. А в политику не стремился никогда.

Профессор Мзия Микадзе, узнав о смерти Давида, сказала: «Он был украшением университета». Можно сказать, что он был украшением нашей жизни, и осознание этого простого факта приходит поздно, потому что, когда тесно общаешься, все кажется естественным и не понимаешь, что рядом – человек необычный.

Возникает вопрос: создал ли он школу? Покажет будущее. Пожалуй, человеку, который мыслил столь неординарно, трудно создать школу. Для повторения и наследования стиля Давида мало багажа знаний и даже аналитических способностей. Надо обладать совокупностью личностных качеств, а это невозможно. Но ученики – студенты, магистранты, докторанты, которых он выпустил, навсегда будут нести частичку его отношения не только к науке, но к жизни вообще, будут понимать, что наука – живой организм, и в наши дни она, как никогда ранее, стремительно изменяется.

Студенты любили Давида Зурабовича за многое – за понимание, способность относиться к каждому индивидуально, доброжелательность и широту. Студенты вообще понимают многое. Когда он оказался в реанимации, и жизнь его висе-

В Посольстве Республики Польша. 2016

ла на волоске, они присоединились к нашим молитвам. Вот что написал в своем фейсбуке наш выпускник Константин Церцвадзе, ныне автор книг и фильмов о святом старце Габриэле: «Дорогой, любимый, достойный, умеющий выслушать Человек. Давид Зурабович Гоциридзе. И как же не верится, что он ушел из этого мира. Несколько дней назад, когда мне позвонили с просьбой помолиться о всеми любимом батони Дато, который борется со смертью, меня будто ударили мечом в сердце. Мы все молились, старались чем-то спасти, надеялись, что он выкарабкается, но... И нам это «но» больно сегодня... Понимаю, что смерть нельзя обмануть, перед ней все равны, от нее никому не уйти. Она непостижима для человеческого разума, несмотря на ее реальность. Она приходит и уходит в одно мгновение, как мысль, как жизнь: она неуловима и неумолима. И мы знаем, что у Бога все живы. Просто как больно прощаться. Прощаться с таким человеком, как Давид Зурабович. И все же... Я верю, что нет ее, смерти... Есть жизнь здесь и там. А там мы встретимся обязательно. Встретимся, да... А до того мы будем стараться радовать вас. На расстоянии. Царствие Небесное Вам, дорогой Давид Зурабович».

Такое признание студента дорогого стоит.

Навсегда во мне будет

жить наш последний разговор. Я позвонила ему в середине декабря и пригласила на мое награждение Офицерским Орденом за заслуги перед Республикой Польша в Посольство РП в Грузии. Он ответил, что вряд ли сможет, поскольку находится в больнице. «Что ты там делаешь?» – «Да после операции». – «Какой?» – «Что-то решили убрать и подправить. Но уже все хорошо. Твоя и Георгия Хухуни (наш однокурсник, известный московский профессор-филолог) медали уже утверждены. Поздравляю. Я уже договорился – выйду из больницы и организуем вручение, правда, онлайн, но сделаем очень торжественно. Я приглашу на встречу ученых из России, Штатов, Китая». – «Господи, – сказала я, – какое награждение? Оно куда не убежит, лишь бы ты был в порядке». – «Нет, – ответил Дато, – до Нового года обязательно организуем».

Мы с ним говорили о том, что я не люблю юбилеи, особенно свои, но его юбилей в марте 2022-го отметим широко, так, как он решит, с конференцией и сборником трудов в его честь...

Сколько осталось несказанного...

А вместо юбилея – поминальная статья.

И пусть никто не говорит, что нет незаменимых людей.

Физико-химический корпус Новороссийского университета в Одессе

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Он стал первым ректором Тбилисского государственного университета, в создании которого активно участвовал. Он основал научную школу одесских химиков. Он получил Ломоносовскую премию, присуждающуюся Императорской Санкт-Петербургской Академией наук за «труды, которые существенно обогащают науку или приводят к особенно полезным, важным и новым практическим применениям». А великий Дмитрий Менделеев заявил, что этот человек – Петр Меликишвили, ни больше ни меньше, «усовершенствовал периодическую таблицу химических элементов».

А ведь, казалось бы, вовсе не к химии должны были располагать юного Петра традиции его семьи, в 1840 году, за десять лет до его рождения переехавшей в Тифлис из Ахалцихе. Ее глава Григорий участвовал в создании первой в городе частной независимой грузинской

типографии и стал ее владельцем. Оборудование в эту типографию привез из Вены его сын Степан, ставший затем первым редактором и издателем газеты «Дрозба». Издательскому делу посвятил себя и еще один сын – Иосиф. А дочь Екатерина вышла замуж за общественного деятеля, публициста Серго Месхи и стала писательницей и переводчицей, сотрудницей детского журнала «Джеджили».

Дом №36 на Бебутовской улице, в котором жила семья Меликишвили, становится местом собраний грузинской интеллигенции. Здесь часто бывают Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели и Георгий Церетели, Нико Николадзе, другие выдающиеся люди. А Петр, слушавший их беседы, росший в семье издателей-гуманитариев, все-таки избирает иную стезю. Вначале, благодаря бабушке он в 8 лет уже хорошо знает грузинскую грамоту, а потом его отправляют к тете – ее дети осваивают

русский язык со специально приглашенным офицером.

Через два года домашнее образование заканчивается, Петр оказывается в Первой тифлисской гимназии. А учеба там – далеко не сахар. Спустя годы он вспоминал, как случайно подобранные, неподготовленные педагоги побоями принуждали детей к занятиям. К счастью, со временем преподавать вскоре начинают Николай и Виссарион Гогоберидзе, учившиеся в Петербурге, близкие к передовым мыслителям России и народо-вольцам. Затем появляются другие прогрессивные педагоги, и у гимназистов устанавливаются замечательные отношения с наставниками.

В гимназии Петр – один из лучших, каждый год, переходя из класса в класс, получает похвальные грамоты. А по окончании учебы в 1868 году, его фамилия золотыми буквами заносится на доску почета. Юношу манят естественные

Герб Меликишвили

науки – влияние Виссариона Гогоберидзе, преподававшего естествознание. Меликишвили стремились в Петербургский университет, но врачи запрещают – у него слабые легкие. И в 1869-м он зачисляется на отделение естественных наук физико-математического факультета университета Одессы.

Тогда это учебное заведение называется Императорским Новороссийским университетом. Это – самый молодой из двенадцати Императорских университетов России, он основан всего за четыре года до того, как в него поступает Петр Меликишвили. Там преподают не просто выдающиеся, а еще и демократически настроенные ученые.

Одного из них – будущего лауреата Нобелевской премии Ивана Мечникова, читающего лекции по биологии, Меликишвили назвал примером, с которого он «делал жизнь». А наиболее близко он сходится со студентом последнего курса физмата, будущим ректором Одесского университета Василием Петриашвили. Сегодня их имена стоят рядом на сайте «Одесский биографический справочник»: «Если первым ученым одесским грузином можно по праву считать В. Петриашвили, то наиболее выдающимся из них – другого грузинского одесского химика Петра Григорьевича Меликишвили».

Этому старшему (на пять лет)

другу и соратнику Меликишвили нельзя не посвятить отдельный рассказ. Родился он в селении Циласкури, неподалеку от Тифлиса, в четыре года остался без матери, потом, по настоянию отца-священника, поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Но, окончив ее, поехал в только что открытый Новороссийский университет.

Еще будучи студентом, печатался в немецком научном журнале. Получив диплом, стажировался за границей, за три года прошел путь от магистра до доктора химии, стал профессором, деканом физико-математического факультета. Его ученик и близкий друг Николай Зелинский, спустя годы создавший активированный уголь, первый эффективный противогаз и синтетическое топливо из углеводов, вспоминал: «Соприкасаясь с его личностью, ощущая чистоту его сердца и прямодушие его характера, всегда можно было найти в нем нравственную поддержку и сочувствие в тяжелые минуты жизни».

Занимаясь физической химией, Петриашвили собирает экспериментальный материал, подтверждающий закон действующих масс. Пишет на темы, имеющие прикладное значение для сельского хозяйства – «Значение удобрения и культуры виноградного дерева на урожай и его достоинство», «Влияние поздних дождей на урожай винограда», «Об удобрении виноградников и об удобрительных туках».

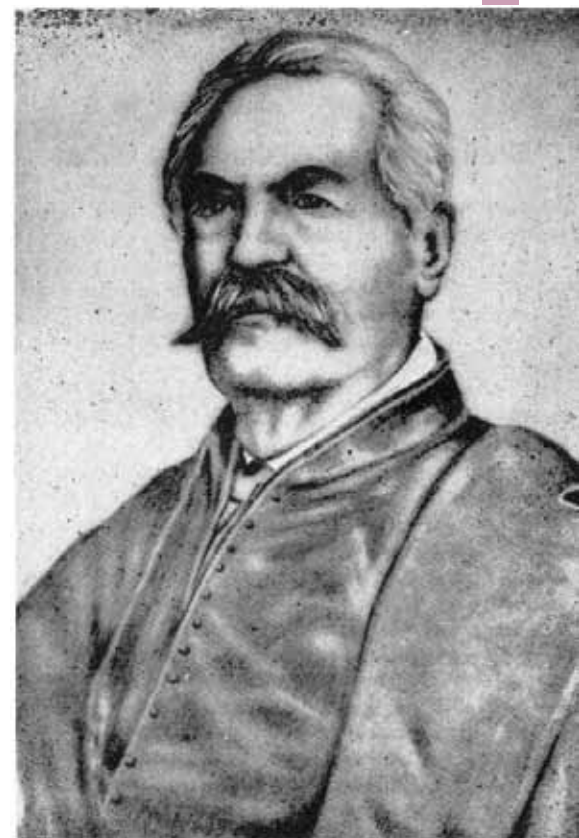
Ученик грузинского профессора Владимир Гернет, ставший заведующим химической лабораторией, так вспоминал о нем: «Любовь к ближнему наполняла всю его жизнь и пропитывала все его отношения к другим людям. Он был органически не способен сердиться. Его добродушие уживалось с поразительной твердостью и стойкостью характера. Не было такой силы, которая могла бы уклонить его с пути, которая принудила бы его отступить от своих принципов. Доброта Василия Моисеевича не влекла за собой, как это часто бывает, бесхарактерности, которая так незаметно и легко стирает грани между добром и

злом».

Студенты называли Петриашвили «отцом-благодетелем». А Иван Линниченко – общий друг его и Меликишвили, утверждал: «Одно молчаливое, крепкое пожатие честной и сильной руки этого благородного и честного человека было для многих и утешением, и ободрением, и поддержкой в борьбе с тлетворным дыханием родного болота». Ученый был женат на грузинской княжне Екатерине Тавдгиридзе. Детей у них не было, и всю свою теплоту профессор вкладывал в студентов.

Особые отношения у него были со студентами-земляками. За постоянную помощь им он получил прозвище «грузинский консул». Петриашвили согласился на «скромных условиях» руководить лабораторией при Совете чиагурских промышленников марганца и сельскохозяйственной школы в селении Одзиси близ Хашури. Особенно стремился он на родину в последние годы своей жизни, несколько раз отправлялся со студентами в научно-познавательные поездки по Кавказу. И Меликишвили – свидетель того, как к его другу со

Григорий Меликишвили

П. Меликишвили в молодости

всех концов Грузии обращались за помощью.

Вообще, Василий Моисеевич был очень популярен на родине. Еще студентом он публиковал в газете «Дрозба» рассказы из сельской жизни, потом помогал решать вопросы переработки различных руд, использования минеральных вод, повышения плодородности почв. На родном языке он издал пособия по виноделию, ведению молочного

Василий Петриашвили

хозяйства и за это Кавказское общество сельского хозяйства, в 1902 году избрало его своим почетным членом.

В Одессе он заведовал городской лабораторией по борьбе с фальсификацией продуктов питания и добился от городской управы ее расширения. А еще много сделал для улучшения санитарного состояния Одессы, в том числе и ее знаменитых рынков. В 1907-08 годах Петриашвили – ректор Новороссийского университета, добивается льгот для вольнослушателей и ликвидации ограничений для евреев при приеме в университет. Но правые профессора настаивают на отставке этого ректора, подерживавшего не их, а студентов.

Призывая их к примирению, Василий Моисеевич произнес слова, звучащие весьма по современному: «Не забудем, господа, что мы переживаем время полнейшей анархии, когда люди, увлеченные настроением и целью, не желают считаться ни с долгом, ни с честью и этикою. В этом грешит не одна только молодежь»... Умер он неожиданно, в Карлсбаде, где пытался восстановить силы после нелегкого ректорства. Ему было 63 года. Вместе с грузинской общиной его хоронила вся Одесса.

Одна из учениц Петриашвили написала его вдове: «С Вами плачут тысячи честных людей, которые ценили и чтити Василия Моисеевича, как честного прекрасного человека, стойкого борца, человека, который шел навстречу всякому честному начинанию и в котором каждый мог найти помощь и совет». А в одесские газеты шли и шли соболезнования со всех концов огромной страны.

Вот какого замечательного человека предстояло получить в друзья 20-летнему студенту Меликишвили. Учится же этот студент, удивляя окружающих незаурядными способностями, публикуя научные труды по органической химии. А еще он слушает лекции, которые не имеют никакого отношения к его специальности. Они – о древних памятниках Грузии. Читает их историк и археолог, будущий создатель иконографического

П. Меликишвили в химической лаборатории в Одессе

метода изучения памятников искусства Никодим Кондаков, тогда – профессор кафедры истории и теории искусств.

Университет Меликишвили оканчивает экстерном, на два года раньше срока. Ему 22 года, у него диплом с отличием, звание кандидата естественных наук и предложение остаться для подготовки к профессорской деятельности. А через год – командировка за границу. С апреля 1873-го по март 1875-го он повышает квалификацию и работает в лабораториях Политехнического института в Карлсруэ, в университетах Тюбингена и Вюрцбурга, слушает лекции известнейших специалистов по агрохимии.

После возвращения в Одессу – студенческий практикум, работа совместно с известным профессором органической химии Александром Вериго над получением различных производных глицериновой кислоты. Затем – должность лаборанта химической лаборатории университета, публикация работ уже по физической химии. А с 1877-го – полностью самостоятельные исследования по ор-

Коллеж де Франс в Париже

ганической химии, еще год – и сдан экзамен на степень магистра, через пару лет – защита магистерской диссертации «О производных акриловой кислоты».

Еще одна зарубежная поездка – уже в звании магистра, на шесть месяцев в Париж. Там в учебно-исследовательском учреждении Коллеж де Франс, предлагающем бездипломные курсы высшего образования, он слушает курс лекций одного из основоположников органического синтеза и термохимии Марселена Бертло.

А чтобы дни каникул не пропали впустую для пополнения знаний, Петр Григорьевич использует их для поездки в Мюнхенский университет – там есть возможность поработать в лаборатории будущего лауреата Нобелевской премии Альфреда Байера.

В этих поездках Меликишвили не только изучает всевозможную научную литературу, но и знакомится с культурой и историей стран, в которые его приводит судьба. И все это благодаря тому, что он в совершен-

стве владеет немецким, английским и французским, хорошо знает испанский.

По возвращении он избирается в 1884 году доцентом кафедры агрономической химии, а через год защищает докторскую диссертацию, становится экстраординарным профессором на кафедре агрономической химии, начинает читать лекции по общей химии. Когда через пять лет он избирается профессором, ему еще нет и сорока.

В 1890-х годах у Меликишвили – новые сферы исследований. Это – и природа метеоритов, упавших в различных местах, изучение их состава. Это – и неорганическая химия, его исследования в ней актуальны и сегодня. Именно за них, а точнее, за их публикацию Российской Академией наук под заглавием «Окиси и переокиси кислот» ученый и получает Ломоносовскую премию. А в 1907-м, на тридцать пятом году научной деятельности, Петр Григорьевич назначается деканом физико-математического факультета.

Со студентами у него – осо-

бые отношения. Он находит к ним такой подход, что проведение лабораторных работ у него становится для молодежи важнее всех других занятий. Он так доступно и увлекательно излагает даже самые сложные темы, что очень часто ему аплодируют. А это на университетских лекциях большая редкость.

В 1880 году студенты университета решают отметить годовщину смерти поэта Николая Некрасова, но одной лишь панихидой не ограничиваются, проходит акция с политической окраской. Всем участникам объявляют выговоры, а двадцать наиболее активных высылаются в Сибирь. Дело было зимой, и Меликишвили приглашает к себе одного из высылаемых, передает ему свой тулуп, мол, больше в нем не нуждается, и отдает все свои сбережения – в помощь остальным, наказанным властью.

Огромен вклад Петра Григорьевича в такое важнейшее дело, как высшее образование женщин. Эта проблема волнует его еще с молодости, когда он помог своей сестре Екатерине

Студентки и преподаватели Одесских высших женских курсов

отправиться на учебу во Францию. Учиться за границей он помогает и другим грузинским женщинам. И вместе с Петриашвили готовит группы землячек к обучению за рубежом, читает им лекции по естествознанию.

Вообще, эмансипация женщин тогда становится одним из главных требований времени. Такие учебные заведения, как Институты благородных девиц доступны лишь представительницам состоятельных и знатных семей, а девушки из других слоев оставались без возможности получить образование. В конце концов, под давлением общественности власти пошли на уступки – в различных городах стали открываться двухгодичные женские курсы.

В Одессе с 1903 года такие курсы были педагогическими, и когда назревает вопрос об их расширении, Меликишвили – в первых рядах профессоров, занятых обновлением этого учебного заведения. Именно он подает коллегам мысль о том, что Одесские высшие женские курсы должны быть уподоблены университету. В подкрепление этой мысли он не только пред-

лагает создать физико-математический факультет, но и выдвигает уже готовый проект его структуры, называет конкретных ученых, которые будут заведовать лабораториями и читать лекции по всем естественным наукам.

Сам Меликишвили на созданных в 1906 году Одесских высших женских курсах становится руководителем химической лаборатории и профессором химии. На этих должностях он работает до 1917-го, воспитав многих специалистов, в том числе первых в Российской империи женщин-химиков с высшим образованием. Новое учебное заведение дает ему полную свободу, в его действия не вмешиваются университетские профессора. И он работает самозабвенно, не щадя сил.

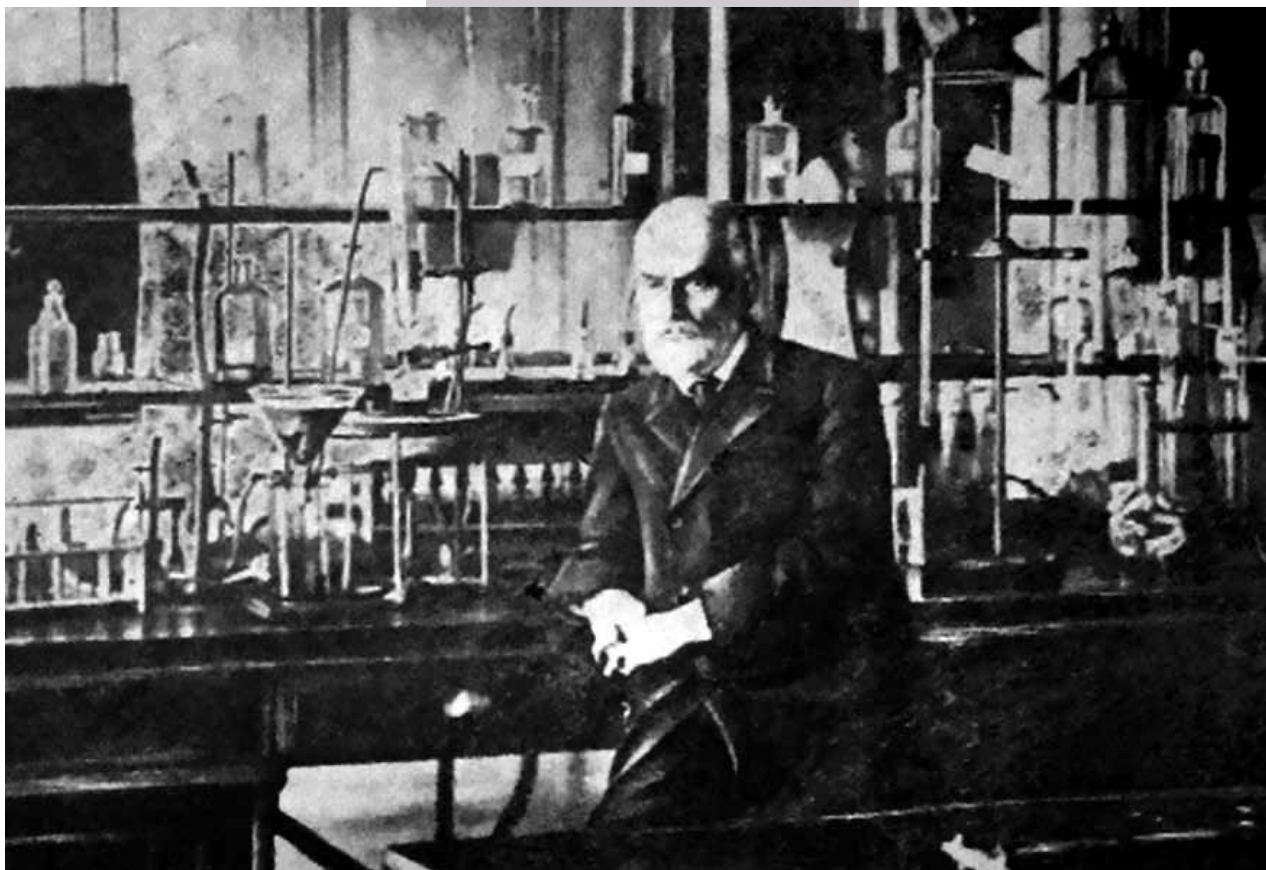
Когда в 1906 году разрешают открыть на этих курсах физико-математический факультет, ни у кого нет сомнений в том, что его деканом должен стать Меликишвили. И профессор берется за дело с таким же увлечением, как и в университете. Он организует лаборатории, читает лекции, проводит дополнительные занятия... И все это абсолютно

бесплатно!

Слово – одной из слушательниц грузинского ученого Б. Яновской:

«Он проявил максимум своей огромной энергии, принимая самое горячее участие в жизни физико-математического факультета, а также в хозяйственной жизни курсов; он принимал участие в изыскании средств для курсов и очень огорчился, если здесь не всегда была удача. Оборудование каждого кабинета курсов горячо его интересовало, для получения возможности сделать что-то полезное для курсов он привлекал людей извне, если знал, что они действительно окажут пользу.

Так, он пожертвовал свой спектроскоп, когда нужно было знакомить курсисток с основами спектрального анализа, причем сам вел работы по спектральному анализу, так как не было средств для оплаты труда ассистента. Когда в библиотеке курсов был открыт отдел по физико-математическому факультету, то Петр Григорьевич первый принес пожертвование – труды Д. И. Менделеева, прекрасно изданные и взятые им из собственной библиотеки».

В лаборатории в Тифлисе

Как просветитель-энтузиаст Петр Григорьевич становится известен не только в университете и на женских курсах. Он долго был вице-президентом Новороссийского общества естествоиспытателей, издавал его литературу. Стал там первым председателем созданного им химического отделения физико-математической секции. А Новороссийскому отделению Русского технического общества он организовал химическую лабораторию.

Вовсю разворачивается профессор в «Южно-Русском сельскохозяйственном обществе». Там он тоже занимается издательской деятельностью, избирается вице-президентом и предлагает создать «Комитет опытного поля». Предложение принято, и комитет настойчиво пропагандирует методы культурного земледелия — читаются лекции, демонстрируются результаты возделывания земли на опытных участках. Потом на базе этого комитета создадут селекционно-генетический институт, который при советской власти станет всесоюзным.

В 1905 году «Императорское

общество сельского хозяйства Южной России» по подписке собирает в Одессе деньги на создание «Станции русских виноградарей и виноделов». Как только появляется эта станция, Меликишвили организует при ней курсы, на которых можно изучать не только естественные, сельскохозяйственные, но и гуманитарные науки. А когда при обществе создают «Филлоксерный комитет» для борьбы с виноградной тлей, Петр Григорьевич и в нем — один из самых активных.

Вообще, о том, что он сделал для сельского хозяйства, можно говорить много, и мы еще сделаем это. Но прежде необходимо вспомнить о его самом главном научном наследстве, чему он посвятил жизнь. Интересы его были разносторонни, работал он в областях органической, неорганической, аналитической химии, геохимии и агрохимии. Так что читателю придется ненадолго соприкоснуться с терминологией, непонятной для несведущего человека.

Основные работы Меликишвили посвящены непредельным органическим кислотам и неорганическим пероксидам (слож-

ным веществам, в которых атомы кислорода соединены друг с другом). Он предложил ряд новых аналитических методов. Открыл и изучил новый класс органических соединений — глицидные кислоты, впервые получил перекись аммония и перборат натрия, синтезировал кислоту, которую назвал изосерином. Еще он синтезировал надкислоты элементов U, Nb, Ta, W, Mo, B, Ti и V, изучал строение и реакционную способность акриловой, кротоновой, ангеликовой, тиглиновой кислот и их производных.

Есть и другие достижения, столь же непонятные нам, как эти, но для науки все они имеют огромное значение. За что она и благодарна Петру Григорьевичу. Гораздо проще непосвященному понять суть других работ ученого. Исследовав состав метеоритов, он сделал вывод о том, что они содержат те же химические элементы, что и Земля. Он опубликовал исследования об образовании природной соды — минерала, из которого после фильтрации и очистки от примесей можно получить соду пищевую. А всего у него 85 научных работ.

Основатели Тифлисского университета

Больше всего понятен для рядового читателя вклад Меликишвили в сельское хозяйство. Он впервые изучил химический состав туркестанской пшеницы, вин Одесского уезда и Херсонской губернии, южно-русской пшеницы, русского овечьего сыра. И опубликовал результаты с рекомендациями в различных научных журналах России. А вместе с другом-коллегой Василием Петриашвили он становится активным автором одесского журнала «Вестник виноделия».

За время работы в Одессе он награждается орденами Святого Владимира III и IV степеней, Святого Станислава II и III степеней, Святой Анны II степени. И двумя медалями, которые вручались особо отличившимся: серебряной, в память царствования Александра III и бронзовой – в честь 300-летия Дома Романовых. Но как бы тебя ни ценили на чужбине, а домой все равно тянет... И в конце 1917 года Меликишвили возвращается в Грузию.

Там уже решен вопрос об открытии Тифлисского университета, и Петр Григорьевич – среди его основателей, в группе ученых во главе с историком и

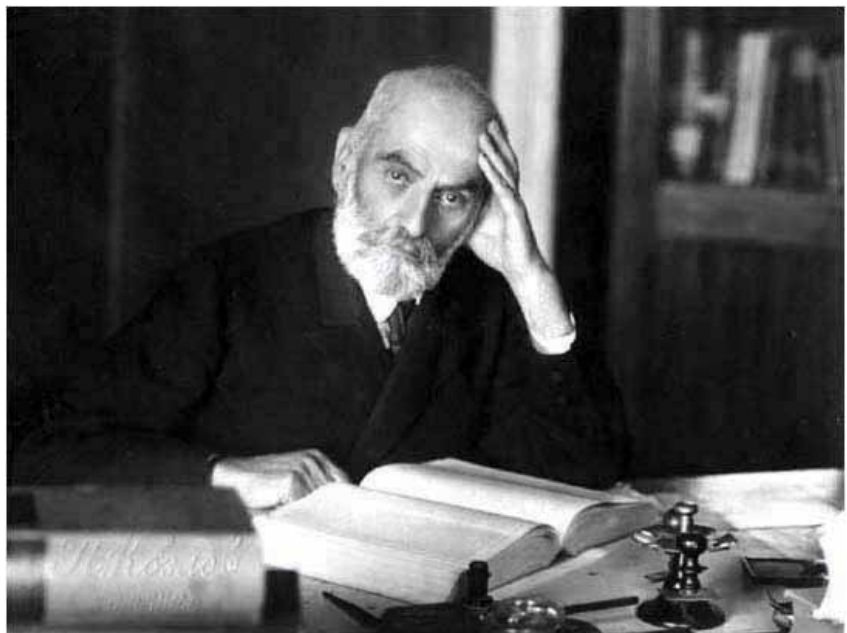
лингвистом Иванэ Джавахишвили. Тот выдвигается на пост ректора, но берет самоотвод и предлагает кандидатуру Меликишвили, так как считает его более крупным ученым – мировое имя, классические работы. Так недавно вернувшийся на родину химик единогласно избирается главой университета. Ему 68 лет, но он полон сил и энергии.

Чтобы пополнить новыми силами профессорско-препо-

давательский коллектив Меликишвили и Джавахишвили приглашают разъехавшихся по огромной империи молодых ученых-грузин. А вот создать столь желанный университетский городок, который станет базой для Академии наук Грузии, не удастся; в письмах друзьям Меликишвили сообщает о нехватке средств.

Тем не менее работу он разворачивает огромную. Ком-

Первый ректор Тифлисского университета

плектует педагогический состав большинства кафедр, создает лаборатории на новом факультете естествознания, создает кафедру химии. Потом разделяет ее на две кафедры – органической и неорганической химии. Первую возглавляет сам, руководить второй приглашает из Одессы своего ученика Ясона Мосешвили.

Ректором он пробыл недолго – ушел с поста в декабре 1919 года из-за политических разногласий с генерал-губернатором. И стал заниматься только химией. Все созданное им лабораторное оборудование осталось в Одессе, в Тифлисе приходится все начинать с нуля. И усилия приносят успех, благодаря собранной им талантливой молодежи. Появляются химические лаборатории и для учебных занятий, и для научно-исследовательской работы. А еще он возглавляет новый – сельскохо-

П. Меликишвили в старости

зяйственный факультет, на котором читает лекции. Впоследствии на базе этого факультета был основан самостоятельный институт. Что же касается лекций, то Меликишвили читает их на грузинском языке, несмотря на то, что более полувека провел вне Грузии и родным языком не пользовался. Для этого требуются и большой труд, и воля. В итоге эти лекции стано-

Памятник на могиле П. Меликишвили в саду Тбилисского университета

вятся первоисточником грузинской химической терминологии.

За стенами университета ученый помогает создавать химические лаборатории в различных организациях, учреждать целый ряд научных обществ, делать доклады, активно участвовать в съездах и конференциях этих обществ. И продолжать работы в сельскохозяйственных целях, начатые в Одессе. Он убежден, что его наука должна улучшать качество продуктов,

Он обращает особое внимание на климатические условия, времена года и другие факторы в конкретной местности, способные повлиять на течение химических процессов. Так Меликишвили устанавливает, что степной овечий сыр жирнее, чем нагорный, и дает рекомендацию: для высокого качества сыра использовать молоко степной овцы. Он первым объясняет, как песок влияет на способность виноградной лозы противостоять заболеванию филлоксерой.

Химически исследовав вина южной России, он убеждается, что на их качества влияет климат. И еще устанавливает, что качество и клейковистость пшеницы тесно связаны с питанием растения и климатическими условиями. А проведя опыты с чаквинским чаем, констатирует: субтропический климат и почва Западной Грузии наиболее бла-

гоприятны для чайных плантаций.

В 1923 году вся Грузия торжественно отмечает 50-летие педагогической и научно-общественной деятельности Петра Григорьевича. А правительство преподносит ему подарок, аналог которому найти весьма трудно: дом №36 на улице Энгельса, бывшей Бебутовской, в котором он родился и вырос.

Через четыре года после этого ученого избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. Но особо порадоваться его друзья не успевают – в марте 1927 его не стало. Он и после смерти – среди студентов: его прах покоится в саду первого корпуса Тбилисского университета. На могиле – бюст работы выдающегося скульптора Якова Николадзе.

Петр Меликишвили всю жизнь прожил один, как говорится, всего себя отдал науке. Его именем названы проспект и Институт физической и органической химии в Тбилиси, одна из улиц Батуми. Мемориальная доска установлена на доме, где он родился на улице, вновь поменявшей название и носящей теперь имя Ладо Асатиани.

И мало кто знает, что этот дом бессребреник Меликишвили безвозмездно передал университету, первым ректором которого был.

«ТАК ХОРОШО В ТЕАТРЕ...»

Нина ШАДУРИ

Настоятельно прошу, дорогой читатель, открыть благословенную книгу – «Театральный роман» Михаила Булгакова, и перечитать несколько строк: «Генерал-майор Клавдий Александрович Комаровский-Эшпар де Бионкур, командир лейб-гвардии уланского его величества полка... История его совершенно необыкновенная. Как-то приехал он на два дня из Питера в Москву, пообедал у Тестова, а вечером попал в наш театр. Ну, натурально, сел в первом ряду, смотрит... Не помню, какую пьесу играли, но очевидцы рассказывали, что с генералом что-то случилось... Сидит и батистовым платком утирает глаза... Ночью же генерал послал в Петербург телеграмму такого содержания: «Петербург. Его величеству. Почувствовав призвание быть актером вашего величества Независимого Театра, всеподданнейше прошу об отставке. Комаровский-Бионкур». А на другой день пришел прямо на репетицию. Играл царей, полководцев и камердинеров в богатых домах... И была у него еще страсть: до ужаса любил изображать птиц за сценой. Когда шли пьесы, где действие весной в деревне, он всегда сидел в кулисах на стремянке и свистел соловьем. Вот какая странная история!

– Нет! Я не согласен с вами! – воскликнул я горячо. – У вас так хорошо в театре, что, будь я на месте генерала, я поступил бы точно так же»...

Великий сочинитель Михаил Афанасьевич в данном случае почти ничего не сочинил, ведь у де Бионкура был реальный прототип: участник Русско-турецкой войны Алексей Стахович, который в чине генерал-майора вышел в отставку и поступил в актеры МХТ.

Да и сама жизнь по-прежнему продолжает подкидывать нам удивительные примеры того, как человек, не имеющий никакого отношения к актерству, в один прекрасный день выходит на сцену, вдыхает, как говорится, запах кулис и «заболевает» театром навсегда.

Наш сегодняшний собесед-

Олеся Дэсте и Дмитрий Скрипкарь

ник – из числа таких счастливыхчиков. Знакомьтесь – Дмитрий Скрипкарь. Вот уже несколько лет, как он живет и работает в Стамбуле. Преподает музыку и – играет в русском театре-студии «ДОСТ».

Дмитрий родился в Молдавии, в городе Бельцы. Он дипломированный преподаватель музыки по классу фортепиано – окончил музыкально-педагогический факультет Бельцкого государственного университета имени Алеку Руссо. С театром его поначалу связывало только то, что в детстве и юности он регулярно посещал Театр имени Василе Александри в родном городе. Участвовал в КВН. Как-то раз сыграл в самодеятельном спектакле эпизод на три-четыре минуты, и зрители подумали, что на сцену вышел профессиональный актер.

Шло время. Жизненные обстоятельства сложились таким образом, что Дмитрию пришлось покинуть родину – не от хорошей жизни. Он выбрал Стамбул.

Адаптироваться в Турции было непросто. «Поначалу у меня не было моего круга об-

щения, – признается Дмитрий. – Турки даже предлагали поменять религию. Но я им отвечал однозначно: «Я православный человек, хожу в церковь и всегда живу с Богом. В какой вере родился, в той и умру. Давайте не говорить о религии, лучше – о жизни, о хороших делах». И к этой теме мы больше не возвращались».

Дмитрий освоился, узнал город, выучил язык, познакомился с русской, румынской, украинской диаспорой, появились знакомые, приятели. Спустя полтора года он впервые попал на занятия по актерскому мастерству к Олеся Дэсте – профессиональному режиссеру, актрисе, театральному педагогу, выпускнице Краснодарского музыкально-педагогического колледжа и Московского Государственного Института Культуры и Искусств.

В 2016 году Олеся основала русскую театральную студию «ДОСТ», приступила к постановке спектакля «Федоръ» по мотивам произведений Достоевского, и Дмитрий получил предложение сыграть свою самую первую роль. Как оказалось, это и стало началом его личного «театрального рома-

«Русские эмигранты. Связь времен»

на» – романа, который, как уже было сказано, не кончается никогда.

– Что означает «ДОСТ»?

– Драматический открытый студийный театр. А еще это намек на фамилию нашего любимого Федора Достоевского. Кроме того, в переводе с турецкого языка слово «дост» означает «лучший друг». Вот такое говорящее название.

– Расскажите о вашем первом спектакле, о первой роли.

– «Федоръ» – это десять монологов из Достоевского, десять характеров. Каждый из исполнителей не только читал свой монолог, но и играл в сценах с монологами других участников. Мне достался монолог Федора на судном дне из «Братьев Карамазовых». Премьеру мы сыграли на сцене старинного турецкого театра. Спектакль имел большой успех у публики.

– Какая она, ваша публика?

– Русскоговорящие эмигранты. Некоторые – еще со времен «первой волны». В числе наших зрителей, например, внучатая племянница звезды немого кино Веры Холодной. Ее тоже зовут Вера Холодная.

– Каков репертуар студии?

– За несколько лет мы поставили самые разные спектакли – «Мандат» Эрдмана, «А зори здесь тихие...» Васильева, «Бесы» Достоевского, «Зойкина квартира» Булгакова, «Камера обскура» Набокова... В год столетия революции в России Олеся сделала проект, посвященный русской эмиграции. Видеоролик «Русские эмигранты. Связь времен» рассказывает о первой эмиграции в Константинополь в 1917 году и сегодняшней эмиграции в Турцию. Мы нашли костюмы, договорились о съемках на корабле и в храме. Снимали и на блошином рынке, где сто лет назад эми-

гранты продавали свои вещи, чтобы выжить. Мы тоже разложили какие-то старые вещи и снимали... Турки очень заинтересовались: «Это съемка? Нас тоже снимите!» Когда вы увидите ролик, у вас будет полное ощущение документальной съемки. Надеемся, этот проект будет иметь продолжение. А самая свежая премьера – спектакль для детей «Вперед, Котенок!». По просьбам публики мы сыграли его несколько раз.

– Кто поддерживает вашу студию?

– Регулярно – никто. Олеся, можно сказать, разрывается на части, чтобы ставить и играть спектакли, радовать русскую эмиграцию Стамбула. Своего помещения у нас по-прежнему нет. Играем на разных площадках – берем в аренду театральные залы и продаем билеты. На наших представлениях мы не зарабатываем – деньги от продажи билетов, как правило, идут

на оплату аренды. Сами покупаем сценические костюмы. В этом нам «помогают» две больших вещевых барахолки в Стамбуле. На сегодняшний день у меня набралось около 15 костюмов, несколько пар брюк и обуви, часы, чемоданы... Даже красный чемодан есть. Я с ним играл в «Зойкиной квартире». Кое-кто, возможно, спросит – зачем тебе это надо? Но для меня это в радость. Знаете, лучше в театре играть, чем, извините, собак гонять. И все-таки иногда испытываешь недоумение: в Стамбуле есть и посольство России, и консульство, вроде могли бы помочь русской студии, но... Тем более что мы официально зарегистрированы как театральная студия. Более того, решением председателя Ассоциации деятелей русских театров зарубежья Александра Калягина мы стали членами этой Ассоциации. Ну, что тут скажешь? Продолжаем надеяться на помощь и внимание.

– По-моему, вы и в фестивале успели поучаствовать.

– Да, это так. Три года назад молодая театральная студия «Отражения» под руководством Елены Романовской в Кемере организовала Первый Международный фестиваль любительских театров «Росток». Приехали коллективы из Дании, Швеции, Болгарии. Мы сыграли на фестивале спектакль «Прелести измены» по пьесе Валентина Красногорова. В мае 2020 года должен был пройти второй фестиваль, но по понятным причинам его отложили.

– Какие из сыгранных ролей вам наиболее дороги?

– Конечно, каждая дорога по-своему. Я люблю моего Павла Сергеевича в спектакле «Мандат», Администратора из «Зойкиной квартиры», эта роль мне очень по душе, и по жизни есть какие-то совпадения с моим персонажем. Кречмар в «Камере обскура» Набокова. Хотя мне тяжело далась работа над образом. Пришлось много думать, осмыслять, не все было понятно поначалу... Хочу подчеркнуть, что Олеся работает с нами как с профессионалами. Мы регулярно проходим мастер-классы, чтобы не терять форму. Честно говоря, Олеся держит нас в ежовых рукавицах. Насколько я знаю, все руководители таковы. Помню, в университете у нас был хор, и, если руководителю хора что-то не нравилось, он был очень жестким, мог, так сказать, выпороть словами. И это правильно. Режиссер должен все держать в своих руках, и крепко. Только тогда получается что-то дельное.

К нашей беседе присоединился автор инсценировки «Камеры обскура», режиссер Тбилисского государственного армянского театра им. П. Адамяна Левон Узунян.

– Как родилось ваше творческое сотрудничество с «ДОСТ»?

Л. Узунян. Нас свел фейсбук. Я наблюдал за деятельностью студии, за репертуаром. Знал, что это не профессиональный театр, но почему-то захотелось предложить мою инсценировку именно Олеся. «Камера обскура» – одна из ранних работ Набокова, а студия «ДОСТ» – молодая студия. Почему бы не попробовать их, так сказать, свести? Пьеса Олеся понравилась, она взяла ее в работу. У нас состоялась онлайн-встреча с актерами, и я первым делом призвал их слушаться режиссера, потому что, как я часто говорю, ни один режиссер не желает своему спектаклю плохого. Потом Олеся присылала мне видео с репетиций – было очень интересно. Честно говоря, я хотел поехать на премьеру, но, увы, финансово не срослось. Кстати, очень любопытной по дизайну была афиша спектакля...

Д. Скрипкарь. Ее сделала Олеся. Она у нас, так ска-

Сцена из спектакля «А зори здесь тихие»

зять, четыре в одном. Ставит спектакли, ведет свет и звук, занимается дизайном... Все сама.

– Вы переехали в Турцию, как сами признаетесь, не от хорошей жизни. И как, нашли там хорошую жизнь?

– Нашел. Хотя пандемия, конечно, действовала негативно – кризис, рост курса доллара отразились на доходах. Дошло до того, что я начал подумывать, не уехать ли в Европу? Но обошлось. И курс опустился, и ученики вернулись. Работа есть, на хлеб хватает. Олеся шутит: «Дима, заработай миллион и построй театр!». Но это не совсем шутки, потому что у меня действительно есть такая мечта – построить театр.

– Вот какие высокие мечты обретают люди, пройдя через сцену! Левон Акопович, в чем, на ваш взгляд, отличие любительских театров?

Л. Узунян. Особой разницы между профессиональным и любительским театром я не вижу. За исключением того, что для профессионала – это источник заработка. При этом любитель работает с теми же нотами, с теми же красками, что и профессионал. И его надо довести до такого отношения, чтобы эти краски стали для него интересны. К слову, о режиссерской резкости. Для профессионала актерские краски – его кухня. Поэтому режиссер по отношению к артистам жесток: «Не можешь этого сделать? Тогда иди доучись». Но в любительском театре так вести себя нельзя, потому что человек пришел по доброй воле и для своего удовольствия. Надо не заставлять и не упрекать, а заинтересовать. И тогда любитель может выдать такое, что подчас не может выдать профессионал. И еще один момент. Профессионал знает, что такое «фиксация» – этот навык заложен институтом, училищем. То есть, когда режиссер говорит артисту «мне это надо, это интересно, зафиксируй», то артист понимает, запоминает, и ниже заданного уровня никогда не опустится. На следующей репетиции ты отталкиваешься от зафиксированного и идешь дальше. У любителя момент

фиксации не отработан. Он не умеет фиксировать, и каждую репетицию приходится начинать с нуля. Это очень сложно. Поэтому сегодня профессиональных режиссеров любительских театров не существует. В отличие от советских времен. В Тбилиси, помню, был любительский театр при Доме офицеров – советская власть давала возможность любителям и репетировать, и выступать. А тут... Люди еще и сами платят, чтобы иметь возможность играть.

– Понятно, чем важны любительские театры для самих любителей – духовная потребность, стремление к самовыражению... А имеют ли они значение для культуры?

Л. Узунян. Безусловно. Если говорить о театре «ДОСТ», то он поддерживает не только театральный пласт, но, прежде всего, русский языковой пласт в турецком анклав. Студия ставит Достоевского, Зошченко, Булгакова... Набокова, наконец. И то, что делает Олеся, это не просто пропаганда языка, но и особая культурная сфера для тех людей, которым это необходимо, как воздух. Ведь эмигрант попадает совсем в другую языковую и ментальную форму. И он должен адаптироваться, если хочет там жить. При этом у него есть свои каноны. И ему хочется их сохранить, не входя в конфликт с той реальностью, в которую он попал.

Д. Скрипкарь. На наши спектакли приходят и турки, хотя не знают языка. Приходят посмотреть и по ходу действия понимают, о чем речь. В финале спектакля «Камера обскура» турки плакали, проникшись пониманием того, что герой слеп, что ему некуда деваться, и он погибает... Честно говоря, меня на сцене захватывают эмоции. Думаю, если играешь без эмоций, то это не игра. В финале «Камеры обскура» мне самому хотелось рыдать...

– Левон Акопович, чего вы пожелаете Дмитрию?

Л. Узунян. Разумеется, исполнения мечты: заработать миллион и построить театр!

Д. Скрипкарь. Спасибо!

Сцена из спектакля «Камера обскура»

Сцена из спектакля «Мандат»

ОТ КОЛУМБА ДО МАКДОНАЛДСА

— Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

На званом ужине происходит дегустация изысканных блюд, официанты поочередно выносят тарелки с деликатесами, ведущий рассказывает увлекательную историю создания каждого кулинарного шедевра, а гости не жалеют восторженных отзывов в адрес автора яств. Наконец, приглашают шеф-повара, и довольная публика награждает его заслуженными аплодисментами.

«Эта традиция выхода повара «на бис» существует не одно столетие. В старину королевский повар пользовался поистине «царским» влиянием при дворе: посредством вкусного угощения монарх старался добиться расположения своих подданных и послов влиятельных государств», – рассказывает президент Гастрономической ассоциации Грузии, исследователь гастрономической культуры Далила Цатава, говоря о влиянии политики на гастрономическую культуру. По ее словам, когда президент конкретного государства едет с деловым визитом на крупный международный форум, он обязательно берет с собой главного шеф-повара страны. Устраивается официальный прием с высокопоставленными гостями, где приглашенных угощают блюдами национальной кухни, местными напитками, и знакомят с культурой страны. Есть такое понятие – гастродипломатия, ее также называют кулинарной дипломатией, целью которой является формирование благоприятного имиджа страны, «национального бренда». С незапамятных времен многие насущные проблемы человек решал за трапезой: часто именно за обедом сторонам удается договориться о том, что не получилось в зале переговоров. Ведь недаром существует изречение «Food is the butter to diplomacy's bread» – «еда – это масло на хлеб дипломатии». Часто политики используют кулинарию, чтобы донести до коллег определенные «мессиджи», например, известно, что Рональд Рейган во

время встречи с Михаилом Горбачевым на Вашингтонском саммите в 1987 году специально выбрал калифорнийское вино из винодельческого региона Russian River Valley, как бы намекая на историю русской иммиграции в эту область США.

«Взаимозаимствование» блюд

Если бы не политика, Христофор Колумб не отправился бы открывать новые земли и не доставил в Испанию ко двору Фердинанда II такие диковинные для средневековья продукты, как картофель, батат (сладкий картофель), табак, маис (сахарная кукуруза), помидор, кукуруза, перец. Пусть они не сразу «прижились» в Европе, но сегодня без них уже невозможно представить ежедневный рацион человека. Часто кулинарные традиции одной страны испытывают влияние дру-

гой, это «взаимозаимствование» – принятая практика в гастрономической культуре. «Блюда, названия которых оканчиваются на «ма», имеют персидские и турецкие корни – «буглама», «чихиртма», «ба-стурма». Но мы привнесли в них наш, грузинский характер, «огрузинили». Другой пример – «чанахи», на всем Кавказе его воспринимают как «свое» блюдо: в Азербайджане скажут, что это их кушанье, равно как и в Армении, мы говорим, что оно – наше, готовим его из грузинской баранины и баклажан», – отметила Цатава. Она привела еще один пример того, что в кухнях разных стран могут быть схожие по вкусу и рецепту блюда. Двадцать лет назад г-жа Далила посетила бизнес-тренинг в Дюссельдорфе, во время которого участников пригласили в тайландский ресторан. Гостям предложили по собственному усмотрению выбрать блюдо из нескольких кушаний, лежащих на столе. Так как Цатава не была знакома с тайской кухней, она наугад выбрала первое попавшееся – под названием «Девять лучших». Как оказалось, оно было приготовлено из тушеного мяса девяти птиц. Внешний вид и великолепный аромат кушанья напомнил ей тушеную утку, которую в детстве готовила бабушка. «Я начала пробовать блюдо, вдруг подняла глаза и увидела, что двенадцать человек с изумлением смотрят на меня, и никто из них не ест это мясо. «Почему вы смотрите на меня, а сами не едите, ведь у него отменный вкус?!», – спросила я. «Удивляемся, как вы едите, оно такое острое, что мы не можем к нему притронуться», – ответили они. Я сказала им, что много лет назад моя бабушка готовила

такую тушеную утку с мегрельской аджикой», – с улыбкой ответила Цатава.

По ее словам, множество споров ведется вокруг происхождения хинкали, существует много его разновидностей – горные, городские, изрубленные, хинкали из грубого блестящего теста и т.д. Но нужно отметить, что в других странах также есть блюда из рубленого мяса, завернутого в тесто, например, еще со времен старого летоисчисления в Китае едят вонтон (разновидность пельменей с тонким тестом в форме узелка). «Я сама вместе с китайцем готовила его, только там в качестве начинки креветки и свинина. Вначале я и представить не могла, что такая комбинация возможна в хинкали, но вкус был великолепный. К тому же тесто с начинкой варится в овощном бульоне и имеет очень сбалансированный вкус. Как бы там ни было, историю происхождения этого блюда изучили ученые из Испании, Китая и Италии, которые пришли к заключению, что в кухнях всех стран Великого Шелкового пути существует блюдо – проваренное мясо, завернутое в тесто», – отметила Цатава.

Великий Шелковый путь открыл миру целый букет новых вкусов. Оттуда «пришел» к нам шафран, одна из самых дорогостоящих пряностей в мире, чайная ложка которого стоит 20 евро. Из-за дороговизны продукта шафран часто называют королем всех специй. Высокая стоимость вызвана большими затратами на производство растения, из которого его «добывают» – Крокуса посевного (лат. *Stocus*). В промышленных масштабах его выращивают только в нескольких странах: Иране, Испании, Афганистане, Пакистане, Индии, Марокко и Италии. Для изготовления специи собирают только цветочные рыльца, у одного цветка Крокуса их всего три, внешне они похожи на тонкие ниточки оранжевого цвета. Чтобы собрать один килограмм специи, нужно обработать 340 тысяч цветков. Туристическая индустрия не могла обойти стороной столь интересный сегмент гастрономического туризма, и были созданы т.н. «шафран-туры», пользующиеся популярностью в Иране. Во время этих туров туристы не только пробуют традиционные блюда с данной пряностью, но и получают информацию о много-

вековых секретах применения знаменитой приправы в культурах Востока и Запада, принимают участие в сборе рылец, учат правила сушки и сортировки иранского шафрана. Вероятно, эта специя является важным источником дохода для страны, т.к. шафран еще именуют «красным золотом Ирана».

Глобализация и «Макдоналдс»

В последние три десятилетия глобализация стала неотъемлемой частью жизни человека, в отношении культуры питания она принесла интересную тенденцию: люди перешагнули через устоявшиеся столетиями пищевые табу и начали есть «заморские» блюда, о которых ранее знали только из книг. В один прекрасный день в Грузию «вошла» пицца, открылись рестораны китайской и японской кухни, наши соотечественники стали пробовать мясо лягушки, змеи, креветки. Исследователи отмечают, что в Европе молодежь отказывается от своих национальных блюд и отдает предпочтение таким продуктам, как донер (шаурма) или пицца, потому что она во всем мире превратилась в глобальную еду. Немецкий профессор-этнолог Марин Тренк, изучающий культуру питания разных стран, исследовал немецкоязычное пространство – Германию и Австрию, и пришел к выводу, что доминирующей едой на этой территории является итальянская пицца. «Несмотря на влияния извне, в Грузии вырисовывается совершенно иная картина. Согласно моим исследованиям, доминирующей едой у нас для людей всех поколений остается родной хачапури», – отметила Цатава.

По ее словам, «Макдоналдс» совершил настоящий переворот в современной культуре питания, этот феномен стали называть макдоналдизацией. История данного явления началась в Америке и распространилась по всему миру в виде франчайзинга. Когда в 1990 году в Москве открылся первый в СССР «Макдоналдс», люди по несколько часов стояли в огромной очереди, чтобы поесть «фирменный» гамбургер. Посещая ресторан, они не только заказывали еду, но и «знакомились» с американским образом жизни. Однако глобализация всегда действует в синтезе с локализацией, т.е. все глобальные продукты питания, «осваивая» новую страну, обяза-

тельно употребляются с учетом местных особенностей. Например, отечественные франчайзинговые компании, торгующие гамбургером, всегда учитывают грузинские традиции питания и вводят в обиход постное меню, которого нет в ресторанах той же сети в других странах. Клоуна Рональда (персонаж-талисман компании McDonald's) нет в мусульманских странах, в Италии в меню непременно присутствует пицца. Наш, грузинский, «Макдоналдс» стал местом, где влюбленные назначают свидания, и куда бабушки с дедушками приводят своих внуков, выполняя обещание: «если будешь вести себя хорошо, на выходные поведу тебя есть гамбургер». Это служит наглядным примером того, что национальные традиции приносят свои нюансы в глобальные сети ресторанов быстрого питания.

Заслугой глобализации можно считать то, что она принесла нам грузинские сетевые рестораны – «фирменные» хачапурные, хинкальные, салобие (рестораны, предлагающие блюда из фасоли), которые сохранили аутентичный вкус традиционных блюд. С этой точки зрения глобализация дала толчок к развитию грузинских бистро, которые доступны для потребителя с любым уровнем дохода, будь то местный житель или турист.

ВЕРШИНЫ МИХАИЛА ЛОХВИЦКОГО

— Инна БЕЗИРГАНОВА

21 февраля исполнилось 100 лет со дня рождения Михаила Лохвицкого (1922-1989) – писателя, журналиста, участника Второй мировой войны, морского пехотинца, автора знаменитой исторической повести «Громовой гул» и, конечно, выдающегося тбилисца, оставившего большой след в отечественной культуре и в сердцах своих соотечественников.

В Тбилиси он окончил филологический факультет университета. Написал первую корреспонденцию. Познакомился со своей будущей женой Натальей Андрионикашвили. Познакомился и навсегда подружился с Булатом Окуджава и Александром Цыбулевским. Опубликовал первую книгу рассказов «Встречи в пути». Написал около двадцати книг, в том числе – повесть о своих предках черкесах-шапсугах во время первой Кавказской войны. Здесь родились его дети – Юрий и Анна.

Сын черкесского народа, он писал на русском языке, был членом Союза писателей СССР, председателем секции русских литераторов СП Грузии, прекрасно владел грузинским языком, переводил грузинских писателей. Похоронен в Сабурталинском пантеоне в Тбилиси.

Предлагаем вниманию читателей главу из книги Инны Безиргановой «Вершины Михаила Лохвицкого», которую готовит к печати Союз «Русский клуб».

Село Кортанети

До демобилизации, с 1945 по 1947 г., Михаил Лохвицкий служил шофером у капитана II ранга Потапова. (Всю жизнь он был страстным автомобилистом, однажды даже каким-то чудом добрался до цели раньше... самолета. С юности грезил о собственной машине – но осуществилась мечта гораздо позднее: с писательского гонорара Михаил Юрьевич приобрел «Москвич».) Вместе с капитаном и его женой часто ходил в кино смотреть трофейные фильмы и «переводил» их на русский. «Сколько ты знаешь языков!» – восхищенно говорили Лохвицкому. А на самом деле при «переводе» он чаще всего просто давал волю своему воображению, что-то домысливал...

Еще будучи в армии, Лохвицкий попробовал себя в качестве журналиста: написал заметку для газеты «Красный азовец». Его даже пригласили на работу в редакцию, но... Михаилу было хорошо в чудесном матросском братстве, и он отказывался от частых предложений поступить на курсы офицерского состава, в военное училище. По признанию Лохвицкого, где-то в глубине его души жила надежда на то, что он начнет писать. «А матросом узнаешь больше», – в

этом он был уверен.

В мае 1947 года Миша Лохвицкий демобилизовался. «Привыкать к послевоенной жизни было очень трудно, – вспоминал писатель. – Дома меня встретила почти нищета. Имея средства, в Тбилиси можно было купить все. Мне показывали дома миллионеров, кладовщиков, артельщиков, нажившихся за войну. А мои отец и мать, как и тысячи других, живших на зарплату, напоминали живые скелеты».

«Когда боец-десантник морской пехоты Миша Лохвицкий, повоевав с немцами, вернулся в 1947 году в Тбилиси, – рассказывал журналист Валерий Партугимов, – так получилось, что он оказался гостем в доме моих родителей. Было лето, и покрытое бронзой загара лицо Михаила, бескозырка с ленточками, натянутые на его крепко сбитый торс ослепительно белые моряцкие брюки-клевш и полосатая тельняшка смотрелись шикарно и поразили мое детское воображение – мечтой было в то время уйти юнгой в море. Я жадно вслушивался в его рассказы о пережитом на фронте, удивляясь тому, что он говорит о страшных вещах почему-то с юмором, со смехом. В те годы немало военных из числа одно-

полчан моего отца заходили проведать родных, но запомнились лишь опечаленными лицами и грустными голосами. Этот же лихого склада морячок был слеплен из крутого теста».

И Михаил поступает лаборантом на кафедру мотовелоспорта Института физкультуры, потом начинает работать шофером частной машины. Но отец настаивает на том, чтобы он учился, тем более, что сам Миша мечтает об этом.

И вот наступило долгожданное 1 сентября 1947 года. Тбилисский государственный университет. Аудитория №94. Именно здесь состоялась первая лекция по латинскому языку для студентов-первокурсников филологического факультета, среди которых был и молодой человек в форме военного моряка, поступивший в вуз как медалист без экзаменов: Михаил Лохвицкий. А преподавателем латинского был любимый студентами Иван Федорович Нижарадзе.

Перед началом занятий Михаил познакомился с Сергеем Надировым (он стал ученым-филологом) и вскоре подружился с ним. Молодых людей сблизило то, что оба они были людьми серьезными, с немалым жизненным опытом и интеллектуаль-

Марк Израилевич Златкин (в центре) с молодыми коллегами и членами своей семьи.

ным багажом – по сравнению с другими, еще совсем зелеными юнцами.

«Михаил Юрьевич Лохвицкий», – представился будущий писатель. Сергей Надиров пошутил: «Имя и отчество подходящие, а вот фамилия...» Но Миша не растерялся: «Мне это многие говорили, но я постараюсь и фамилию оправдать». Как показало будущее, эти слова были отнюдь не пустым бахвальством.

Два с половиной года Лохвицкий учился на стационаре. Занимались вместе с Сергеем Надировым по особому методу. В период сессии они встречались и, по очереди дополняя друг друга, отвечали на вопросы предстоящих экзаменов. Метод оказался настолько эффективным, что буквально за несколько часов друзьям удавалось проштудировать всю программу. А в оставшиеся до очередного экзамена дни ходили в театры, музеи, кино. Словом, наполняли свой досуг приятными и полезными впечатлениями.

Вместе с Лохвицким учились Константин Герасимов, в будущем ученый-филолог и поэт, Александр Буслаев, известный шахматист, Мурадин Кумахов, впоследствии физик, член-корреспондент Академии наук России, Шамиль Цхведиани, заведующий кафедрой русского языка Сухумского субтропического института...

Уже на первых курсах Михаил Лохвицкий начал писать рассказы. Дебют – «Медаль Ушакова» – оценил писатель Эммануил Фейгин, работавший в газете Закавказского военного округа. Он хотел напечатать рассказ, но с сокращениями. «Сократить его он не сумел, – вспоминает М. Лохвицкий. – Услышав это, я самодовольно и нахально улыбнулся. Он, как и следовало ожидать, рассердился и разнес рассказ. Я выслушал его и ушел с окрепшей верой в свои возможности и желанием продолжать писать».

Материальные трудности – стипендия была маленькой, «а жить на отцовскую зарплату не позволяла совесть», – заставили Лохвицкого перейти со стационара на экстернат и искать заработок. Написал несколько информационных для ГрузТАГа (республиканское отделение ТАСС), а через месяц стал корреспондентом газеты «Молодой сталинец», возглавив отдел по работе с сельской молодежью.

«На заседании бюро горкома первый секретарь вдруг спохватился и спросил: «Товарищи, какой из него заведующий отделом, когда он в сельском хозяйстве ничего не понимает?» Один из членов бюро – весельчак и любитель спорта – ответил: «Не беда, съездит раз-другой в Цинандали и все узнает». Он выразительно щелкнул себя по горлу. Все рассмеялись, и меня утвердили, – вспоминает писа-

тель. – После первого материала, привезенного мной, я получил строгий выговор, потому что напутал все, что только можно было напутать, дал разыграться своей фантазии и написал много, как рассказ, то есть домыслил факты так, как мне показалось верным. После первого скандала я понял, что журналистика требует точности».

Период корреспондентства был очень важным для писательской судьбы Михаила Лохвицкого. По собственному его признанию, он попал в прекрасный коллектив, «почти все горели в работе, хотя и проявляли порой по отношению друг к другу излишнюю ригорическую требовательность».

В редакции Михаила Юрьевича любили и уважали – за порядочность и принципиальность. «Лохвицкий был человеком мягким, даже застенчивым, но в нем ощущался крепкий нравственный стержень», – говорил Арчил Джапаридзе. Об этом же вспоминал Валерий Партугимов, отмечая в Лохвицком натуре гладиатора, «готового к бою и дерзко несущего в себе эту готовность» и созданного природой «для каких-то предстоящих жестоких сражений с племенами варваров и нелюдей». И такие сражения в жизни Лохвицкого происходили, и не раз...

Коллектив в «Молодом сталинце» был очень дружный. В разное время здесь работали Игорь Голембиовский, Резо Габриадзе, Кора Церетели, Михаил Какабадзе, Герман Кашоян, Алеша Нодиа, Борис Кокашвили и многие другие.

В таком ярком окружении, творческой атмосфере развивался и талант молодого Лохвицкого. Он ездил по всей Грузии, в самые отдаленные районы, и постепенно сложился как очеркист, пользующийся неизменным уважением людей, о которых писал в своих материалах. По мнению литературного критика, редактора первой книги Лохвицкого Михаила Заверина (псевдоним Михаила Вайнштейна), «именно беспокойная профессия журналиста и обогатила его во многом запасом наблюдательности, обострила интерес к событиям сегодняшней жизни, к судьбам людей...

Отсюда – подкупающая достоверность лучших его рассказов, интересных прежде всего остротой проблематики».

В этот период произошло еще одно событие, полностью изменившее жизнь Михаила Лохвицкого: «Воспоминания о молодежной газете для меня одни из самых светлых, не говоря уже о том, что работа там подарила мне верного друга, спутника и соратника, любимого человека. Я стал семьянином, отцом двоих детей».

Наталья Андроникова работала тогда техническим секретарем редакции. По воспоминаниям друзей, она была мудрым, сильным человеком. «В их доме, как правило, собирались интересные люди. К Лохвицким приятно было зайти на огонек – Наташа создавала в доме творческую атмосферу, уют, была мужу верной помощницей, поддерживала его во всех делах», – вспоминает А. Джапаридзе. Кстати, последнее произведение М. Лохвицкого – рассказ «Ираклий», напечатанный в «Огоньке» в 1990 году, уже после смерти писателя, – публикация доброго гения писателя, Наташи Лохвицкой. Разделив с мужем все радости и горести, она ненадолго пережила его...

«В 1947 году я начал писать повесть на материале Отечественной войны, но сил и умения было мало, а тема требовала больших раздумий. Я решил поучиться на рассказах», – читаем в автобиографии писателя. Через семь лет на заседании редакционного совета издательства «Заря Востока» книга рассказов Михаила Лохвицкого была внесена в план издания, а в 1955 году вышла в свет под названием «Встречи в пути».

Михаил Юрьевич критически относился к своему первому опыту: «Книга, конечно, была слабая. Я об этом догадался тогда, твердо знаю это сейчас. Принимаю я также и то, почему все же ее было решено издать – ради будущего. Издатели поверили в мои возможности. Они знали, что ничто так не растит писателя творчески, как книга... Творческие люди легко ранимы, и жесткие преграды на пути молодых могут погубить не одно дарование».

Своими сомнениями начинающий писатель делился с первым редактором Михаилом Завериним. Тот выслушивал молодого автора, посмеивался и объяснял, что, по его мнению, нужно еще дописать, доделать. «За время работы редактора со мной я написал новый рассказ «Голубь», по-моему, лучший в книге. Если бы каждый писатель встречался с такими редакторами, у нас было бы меньше серых книг, а многие из удавшихся были бы еще лучше», – считал Лохвицкий.

Свою первую книгу Михаил Юрьевич послал двум писателям – Сергею Сергееву-Ценскому и Михаилу Шолохову. От автора «Тихого Дона» он ответа не получил, а вот Сергеев-Ценский живо отреагировал на факт рождения нового прозаика: «Общее впечатление от Вашей книги осталось у меня такое – хорошие способности рассказчика у Вас налицо, и Вам остается только глубже проникать в психологию выводимых лиц и гораздо крепче свинчивать следствие с причинами».

Сергей Николаевич сыграл огромную роль в творческой судьбе молодого писателя: всячески поддерживал, вселял в него веру в свои силы, но при этом был требователен. Вот строки из письма Сергеева-Ценского Михаилу Лохвицкому от 8 октября 1957 года: «Писательство – искусство, требующее отдачи ему всего времени, как это принято у художников кисти. Репин, например, позволял себе отвлечься от своих картин только на один день в неделю, – именно в среду он отдыхал, но и этот отдых был у него с альбомом и карандашом в руках. Так же точно должен делать и писатель – художник слова. Когда не пишет, он должен накапливать материал путем наблюдений и заметок в записной книжке. Вы пишете, что вынашиваете большую вещь. Большая вещь потребует много строительного материала, который должен быть уложен в соответствии с заранее начерченным архитектурным планом, чтобы получилось здание гармоничное, а не хаотичное. Что необходимее всего для романа – это большая мысль, положен-

Писатель Сергей Сергеев-Ценский

ная в его основу, мысль современная и философская».

Свой первый роман «Неизвестный» Лохвицкий посвятил своему учителю, Сергею Сергееву-Ценскому.

Впрочем, своим писательским становлением Лохвицкий обязан многим – начиная со школьных лет. Обратимся к воспоминаниям Михаила Юрьевича: «Елена Константиновна Науменко – учительница русской литературы в школе – маленькая обаятельная женщина, уже не молодая. Она была знакома с Маяковским, любила его. Литературу знала блестяще и преподавала ее так, что даже закоренелые «физики» брались за книгу и научались получать наслаждение от строки «И звезда с звездой говорит»... Она поощряла нас в поисках, любила, когда мы задавали «каверзные» вопросы, давала сочинения на свободную тему. И ее уроки часто превращались в страстные споры о литературе и жизни. Писатель Андро Ломидзе – он первый написал рецензию на мою книжку «Встречи в пути» в грузинской литературной газете. Он часто напоминал мне пушкинские слова о краткости как главнейшем достоинстве

прозы. Директор издательства «Заря Востока» Марк Израилевич Златкин – образец настоящего издателя. Он не только великолепно знал полиграфию, финансы, экономику, не только любил литературу и писателей, был не только энтузиастом книгоиздательского дома, но еще и творцом, романтиком, фантазером, умеющим рисковать и, самое главное, упрямо и твердо верящим писателю. Не только я, но и многие сотни писателей обязаны М.И. Златкину появлением на свет своих книг. Сколько раз в трудную минуту, когда нужно было забросить работу, рвущуюся из души, и заняться поисками заработка, я вдруг получал приглашение зайти в издательство получить деньги. «За что? Мне ведь ничего не полагается». И бухгалтер отвечал: «Не знаю. Марк Израилевич распорядился, чтобы вам выдали эту сумму». Я не раз спорил со Златкиным, мы ссорились, но даже в дни отчуждения я мог рассчитывать на его поддержку и внимание. Писатель Григол Чиковани, критики Лавросий Каландадзе и Семен Трегуб, новосибирские писатели – талантливый детский прозаик Юрий Магалиф, поэтесса чистой воды Елизавета Стюарт, поэты Хута Берулава и Баграт Шинкуба, патриарх абхазской литературы Дмитрий Гулиа и сын его Георгий Гулиа – скольким я обязан за внимание к своему творчеству!»

В 1956 году Михаил Лохвицкий становится членом Союза писателей СССР (кстати, после «Молодого сталинца» он работал в журнале «Литературная Грузия»). Сразу после выхода первой книги «Встречи в пути» он пишет маленькую повесть «Через овраг». Благодаря настойчивости М.З. Заверина ее напечатали в сборнике «Содружество» (1958 г.). «Как мне позже стало известно, повесть должна была подвергнуться разносу в печати за остроту, но каким-то чудом статьи не появились, а последующие постановления пленумов ЦК КПСС вызвали противоположную реакцию и повесть стали официально одобрять, – пишет М. Лохвицкий. – Я эту повесть, несмотря на недостаток мастер-

ства и ту же «эскизность», считаю удавшейся и люблю до сих пор. Поэтому я включил ее и в книгу «Шумит Кура», изданную в 1962 году в Тбилиси».

В 1958 году в издательстве «Молодая гвардия» выходит в свет сборник «Люди горных кряжей». Появляются первые рецензии, в которых дается высокая оценка повести «Через овраг» и рассказам «Тяжелая палата», «Тасо». В одной из них определена основная линия творчества Михаила Лохвицкого – «жадная пылкость к процессам быстротекущей жизни, желание постигнуть и запечатлеть в человеческих характерах ее важнейшие закономерности».

«Метафоры его локальны, непринужденная разговорность свидетельствует о не книжности лучших вещей. «Влажно зеленеют» – можно ли сказать точнее и поэтичнее?.. За его рассказами встает человек широкий, искренний, с ясным, честным взглядом на мир. Есть в этом взгляде что-то от несуетных горных вершин, от красоты овечьих пастбищ, от того самого синего моря, которому, по словам поэта, «не дано примелькаться».

По материалам своих частых поездок на Черное море, плавания на аварийно-спасательных судах, приписанных к Потийскому порту, Михаил Лохвицкий пишет повесть «Человек выходит в море».

В те же годы Михаил Лохвицкий начинает писать свои знаменитые «Кортанетские рассказы». Если в Кортанети какое-нибудь застолье, рассказывают близкие, все непременно поднимают тост за Мишу Лохвицкого. Вспоминают о том, как он бегал здесь мальчишкой. Это – пример мифотворчества, свидетельство того, что Михаила Юрьевича полюбили в этой деревне, стали воспринимать как близкого, родного человека, земляка. Он и сам очень любил Кортанети. И когда его сын Юрий окончил институт, настоял на том, чтобы он поехал на работу преподавателем русского языка и литературы именно туда.

В 70-е годы здесь проржавел очередной канатный мост, и деревня оказалась отрезанной от

большой дороги (автомобильного сообщения не было, только железнодорожное), и именно Михаил Лохвицкий пришел на помощь кортанетцам – начал хлопотать о строительстве нового моста. Дошел до самого предсовмина З. Патаридзе. В результате жители Кортанети получили большой красивый мост. Михаила Лохвицкого избрали почетным кортанетцем, а новое долгожданное сооружение стали называть не иначе как «Мишас хиди» – «Мишин мост».

Любопытны подробности встречи писателя с Зурабом Патаридзе. Выслушав просьбу Лохвицкого, он удивился: «Ваши коллеги пробиваются ко мне всеми возможными способами с тем, чтобы получить что-то лично для себя, а вы мост собираетесь построить?» – «Я выполняю поручение кортанетцев!» – уточнил Михаил Юрьевич. «Что ж, передайте кортанетцам: мост у них будет!» – пообещал предсовмина. И обещание свое сдержал.

Читатели, литературные критики приняли «Кортанетские рассказы» с восторгом. Так, Семен Трегуб писал, что в этом цикле воплощена Грузия, что именно здесь истоки творчества Михаила Лохвицкого. «Самые удачные в сборнике – «Кортанетские рассказы», – пишет рецензент М. Кекелидзе. – Они как венок сонетов. Тесно переплетаются в них судьбы героев, и последний рассказ «Куда текут реки» снова возвращает нас к первому – «Белый свитер». Мы не только читаем о любви автора к селу Кортанети и его людям в маленьком предисловии, но и чувствуем ее во всех рассказах – в их тексте и подтексте».

Хочется привести отрывок из воспоминаний писателя, свидетельствующих о его духовной близости с жителями этой деревни: «Однажды я спустился со второго этажа дома, где работал, вниз – поужинать. Было начало апреля, в долине цвел миндаль, а на горах вокруг выпал снег. За ужином собралась вся семья – глава ее, старый колхозник и путевой обходчик Георгий Девадзе, жена его Аничка, дети – лесник Омари с женой, второй сын, заведующий фермой Джемал. Старший сын

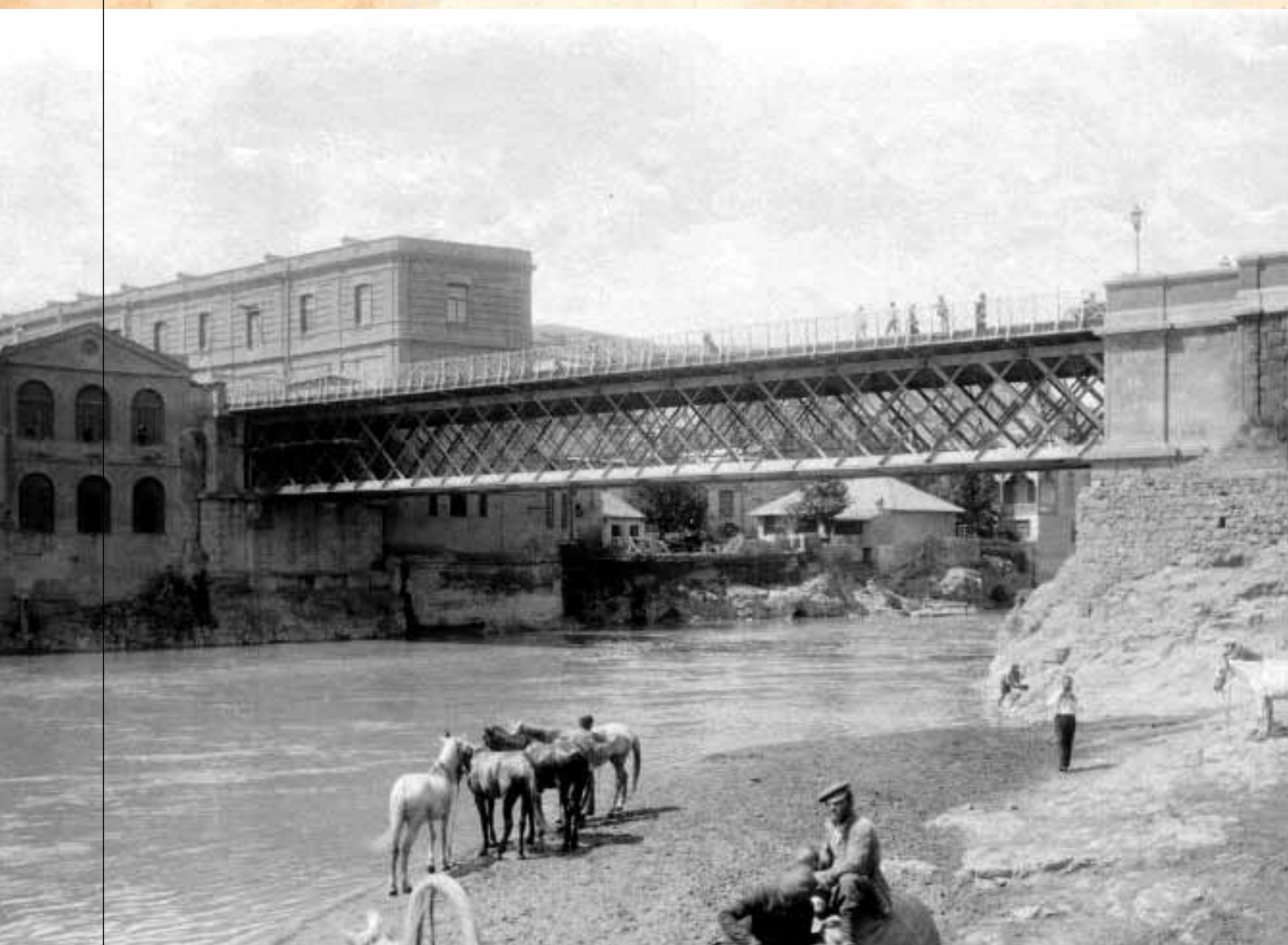

Мемориальная доска на доме по ул. Ниношвили в Тбилиси

Ило к этому времени уже отделился и жил по соседству, младший – Мишико был в армии. Работа у меня не ладилась, я весь день просидел впустую, и настроение было подавленное. Дядя Георгий это сразу заметил. Он проработал с самого рассвета на рубке леса, и глаза у него смыкались от усталости. Покосился на меня и попросил Аничку, чтобы она принесла сливовой водки. «Выпей, – сказал он мне, – со мной вместе. За нашу работу! Как она у тебя продвигается?» Я мрачно ответил, что дела плохи. Дядя Георгий задумался, покачал головой и ласково, с укором произнес: «Мне уже за шестьдесят, посмотри, какие у меня руки от работы. Всю жизнь с самого детства я тружусь и все еще не

смог добиться того, что хотел. Но духом я не падаю. А ты один день посидел, не получилось – и уже нос повесил. Давай чокнемся, за твою завтрашнюю удачу». На другой день работа моя сдвинулась с мертвой точки». Этот эпизод полностью вошел в рассказ «Живой родник».

Кортанети был для М. Лохвицкого «живым родником», местом духовного очищения, своего рода Меккой. «Только в Кортанети на меня, как говорили древние, нисходит мир и покой. Наверное, у каждого человека, у каждого писателя есть свой живой родник, свое Кортанети, наиболее близкий ему уголок Земли, стоя на котором, он лучше видит то, что выражает душу народа».

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЮБИЛЯР

■ Владимир ГОЛОВИН

В нынешнем году несколько юбилеев могло бы справиться сооружение, которое десятилетиями было одной из достопримечательностей Тифлиса. Это – Мнацакановский мост, и последний юбилей, связанный с ним, – грустный: 70-летие его уничтожения. Он с огромной пользой служил городу ровно век, родившись в 1852-м, то есть 170 лет назад. Впрочем, и до этого на его месте переправлялись через Куру. А с появлением этого моста связано сразу несколько версий, так что постараемся детально разобрать-

ся в истории несостоявшегося юбиляра.

Еще в XV веке на линии, соединяющей через реку современные районы Ортачала и Авлабар, существовал мост, называвшийся Кахетинским, по нему перегоняли стада с пастбищ. Просуществовал он до начала XVII века – вторгшийся в Грузию персидский шах Аббас уничтожил в ее столице все, что можно было уничтожить. Но свято место, удобное для пересечения норовистой реки, пусто не бывает. И переправы здесь не исчезали. А о том, что произо-

шло потом, расскажет не одна из многочисленных легенд, не один из разнообразных слухов, а беспристрастный современник – четвертая книжка «Журнала Главного управления путей сообщения и публичных зданий» за июль-август 1863 года, изданная в Санкт-Петербурге.

Откроем на 79-й странице статью сотрудника этого издания, инженер-генерал-майора Константина Маслаковца «Мнацакановский мост через р.Куру в гор. Тифлисе». Прочтем ее – и не будет спорных вопросов. Итак, основные отрывки:

«В начале 1851 года бывший наместник кавказский, князь Воронцов, разрешил инженер-капитану Гагенмейстеру и коллежскому регистратору Райсу устроить, на их собственный счет, в гор. Тифлис, близ городской бойни, деревянный мост через р. Куру, с представлением им права взыскания сбора с проходящих и с проезжающих через мост в течение 25 лет по таксе, утвержденной правительством. Проект моста предварительно был рассмотрен и утвержден наместником 12 февраля 1851 года.

Впоследствии тифлисский гражданин Иван Мнацаканов, желая освободить навсегда жителей от уплаты денег за проезд, проход и прогон скота через означенный мост, изъявил готовность пожертвовать 25000 р. для приобретения этого моста от господ строителей в пользу города, по совершенном окон-

чании ими работ и по удостоверении в прочности его.

По окончании работ... комиссия, удостоверившись по освидетельствовании моста, что устройство произведено удовлетворительно и представляет ручательство в прочности и устойчивости всего сооружения, принимая в соображение, что все мосты, подобные построенному господами Гагенмейстером и Райсом, по значительности размеров их арок, требуют постоянной ремонтной поддержки и самого тщательного присмотра за сохранением их в должной исправности, положила, при передаче моста в ведение городского начальства, вменить ему в непрременную обязанность:

1. Учредить строгий надзор за порядком проезда через мост, воспретив скорую езду по нему, как это соблюдается на всех деревянных мостах с боль-

шими отверстиями.

2. Сколь возможно чаще осматривать внутренние составные части моста и в случае ослабления хомутов, болтов или гаек – немедленно укреплять их;

3. В случае появления в вертикальных схватках или в других деревянных частях моста трещин, стягивать их железными хомутами, составленными из 4 полос с проушинами, винтами и гайками.

По освидетельствовании моста, для испытания устойчивости, пущен был воловий транспорт, состоящий из 3 арб с вином в 3 пары буйволов, из 14 арб с дровами в 2 пары волов, и из 3 арб с сеном и саманом (мякиною), также в 2 пары волов. По въезде на мост этого транспорта, весившего по примерному исчислению тяжести волов, буйволов и арб с поклажею и погонщиками до 2600 пу-

Слева – Авлабар, справа – Ортачала, прямо – Мнацакановский мост

дов, большая часть поверхности моста была совершенно покрыта им. Арбы были на некоторое время остановлены на нем, а потом переехали через него, причем не произошло никаких явлений в мосте, кроме дрожаний, свойственных деревянным постройкам.

Опыт этот, служащий добавочным удостоверением в безопасности переезда через мост довольно значительных транспортов, не приводил к основательному заключению о степени прочности и устойчивости его, ибо давление, которое он должен выдерживать по своей конструкции, почти втрое более вышеозначенного груза воловьего транспорта. Действительным же удостоверением того, что мост этот может выдерживать наибольшую нагрузку, служит следующее вычисление:

Весь объем дерева в фермах и в мостовом полотне составляет около 9822 кубич. футов. Следовательно, вес его, допуская, что дерево не совер-

шенно сухо, можно положить равным 9822 пудам. Вес железа, употребленного на всю арку, равняется 369 пудам.

При наибольшей нагрузке мостового полотна, т.е. в том случае, когда поверхность его устлана людьми и покрыта слоем слежавшегося снега, толщиной в пол фута, давление на каждый квадратный фут площади полотна составит около двух пудов, а на 3840 кв. футов поверхности – 7680 футов. Итак, наибольший груз, поддерживаемый четырьмя дугами, составит 17870 футов.

С начала 1852 года мнацакановский мост находится в ведении тифлисского городского управления и все ремонтные исправления его производятся на счет управления, под надзором техников, командируемых тифлисской губернской строительной и дорожной комиссией.

Описание моста. Мнацакановский мост деревянный, системы Грина, об одной досчатой арке, на каменных береговых

устоях. Длина моста (по верхней настилке пола) 25 сажень. Ширина проезжей части моста с тротуарами (между перилами) 24 фута.

Пролет арки между устоями 22 сажени, а подъем почти в 1/8 ширины пролета... Береговые устои сложены на скалистом фундаменте из рваного камня и кирпича на извести, с устройством внутри их помещений и погребов...

Мнацакановский мост приносит большую пользу городу тем, что огромные стада, ежегодно возвращающиеся с пастбищных мест и искавшие всегда удобных бродов для перехода через р. Куру, ныне беспрепятственно проходят в город по мосту.

Для удобнейшего сообщения открыта из города к этому мосту новая улица, идущая вдоль р. Куры и названная «воронцовскою».

Добавим к этому, что ныне бывшая Воронцовская улица вдоль Куры в Ортачала носит имя Вахтанга Горгасали. А

если кто-нибудь захочет узнать характеристики моста в современных системах измерения, напоминаю: пуд – 16, 32 килограмма, сажень – 2,16 метра, фут – 30,48 сантиметров.

Теперь уточним, как говорится, who is who в этой истории. Карл-Петер-Георг Гагенмейстер – полковник, военный инженер, действительный статский советник, «чиновник в администрации Закавказья». Примечательно, что они с супругой воспитывали будущего выдающегося военачальника, юного тбилисца Александра Брусилова с двумя его братьями. Мальчики – сыновья сестры жены военного инженера осиротели, а своих детей у Гагенмейстеров не было.

«Отец мой умер в 1859 году от крупозного воспаления легких. Мне в то время было шесть лет, Борису четыре года и Льву два года. Вслед за отцом через несколько месяцев умерла от чахотки и мать, и нас, всех трех братьев, взяла на воспитание наша тетка, Генриетта Антонов-

на Гагенмейстер, у которой не было детей. Ее муж, Карл Максимович, очень нас любил, и они оба заменили нам отца и мать в полном смысле этого слова», – вспоминал генерал Брусиллов.

И еще. На сохранившейся памятной доске в честь закладки в 1851 году Малого Михайловского моста, ставшего в начале XX века Николаевским, а сейчас известного как Сухой мост, одним из строителей значится Гагенмейстер.

О втором совладельце моста найти хоть какие-то сведения удалось все в том же «Журнале Главного управления путей сообщения и публичных зданий». Сообщение лаконично: «Владелец крупнейшего в Тифлисе лесопильного, точильного и механического завода, устроенного им в 1861 году по образцу лучших английских и американских заведений подобного рода, со всеми новейшими усовершенствованиями и нововведениями».

И, наконец, главный герой

– тифлисский гражданин Иван Мнацаканов. По одним данным, он был купцом, по другим – владельцем одного из трех крупнейших в городе цементных заводов. Как бы то ни было, деньги у него были. И как благотворитель он стал известен еще до того, как фактически подарил городу мост.

В материалах Московского института востоковедения есть документ о том, что «в 1848 г. житель Тифлиса Иван Мнацаканов внес в Московский опекунский совет капитал в 15 тысяч рублей серебром «для воспитания из процентов постоянно двух мальчиков из бедных Армян Закавказского края в Московском Лазаревском институте восточных языков». Так называлось армянское высшее учебное заведение, много раз менявшее и название, и статус, а в 1927 году вошедшее в состав Московского института востоковедения.

Естественно, такого человека не мог не упомянуть за-

Вид с Авлабара. За ныне снесенной греческой церковью виден Мнацакановский мост

госпиталь и склады – военное поселение на Авлабаре. А в 1882-м, то есть 140 лет назад, появился уже железный однопролетный решетчатый металлический мост на каменных устоях с пролетом 95 метров. Тоже Мнацакановский.

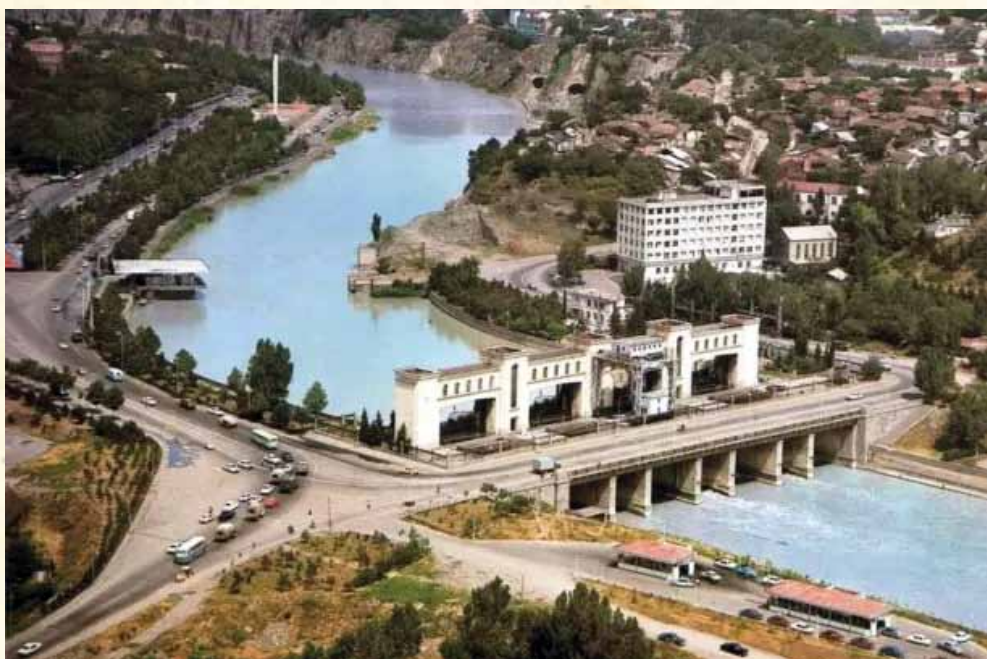
Увы, и его название не зазвучало наравне с Аничковым, Ватерлоо, Тауэрским... Мнацакановский служил людям только в Тифлисе-Тбилиси, и то – до начала 1950-х. Пока не появились вместо него нынешние мост имени 300 арагвинцев и плотина Ортачальской ГЭС, по кото-

мечательный писатель, кинорежиссер, сценарист, уроженец Грузии, выпускник Тбилисской Академии художеств и автор колоритных рассказов о старом Тбилиси Агаси Айвазян:

«Посреди Тифлиса – Кура. На ней шесть мостов – Михайловский, Верийский, Мухранский, Авлабарский, Метехский и самый значительный – Мнацакановский. Его построил за двадцать пять тысяч рублей и подарил городу господин Мнацаканов. Это дало ему право называться почетным гражданином Тифлиса. Говорят, что с этого дня свои деньги он считал в единицах моста. «Сегодня на бирже я выиграл два моста». Дочь он упрекал так: «На твои платья и шляпки я истратил шесть мостов». Он лелеял мечту подарить мосты Санкт-Петербургу, Парижу, Лондону... Он поглаживал свою бородку «буланже», воображая рядом с лондонским Ватерлоо мост Мнацаканова – ух ты, хорошо!»

Но Кура за 14 лет справилась с мостом, он пришел в негодность и в 1866-ом рухнул. Тут самое время вспомнить абзац из «Журнала Главного управления путей сообщения и публичных зданий»: «Опыт этот, служащий добавочным удостоверением в безопасности... не приводил к основательному заключению о степени прочности и устойчивости его, ибо давление, которое он должен выдерживать по своей конструкции, почти втрое более вышеозначенного груза вольевского транспорта».

А может, городское началь-

Перед плотиной – опоры Мнацакановского моста. На одной из них – ресторан

ство попросту не выполнило «вмененное ему в неперемennую обязанность». А именно: запретить «скорую езду как это соблюдается на всех деревянных мостах с большими отверстиями», почаще «осматривать внутренние составные части моста и... укреплять их», при появлении «в деревянных частях моста трещин, стягивать их железными хомутами, составленными из 4 полос с проушинами, винтами и гайками».

В общем, деревянный мост исчез, а вместо него еще через десяток лет двинулись через реку два парома, значительную часть грузов которых охраняли солдаты: шла русско-турецкая война, а на левом берегу к тому времени уже были казармы,

рой он проходит. Тогда же, после поднятия уровня реки, исчез вместе с мостом и знаменитый Ортачальский остров, покрытый садами для развлечений. И имя его осталось жить, распространившись на всю близлежащую территорию правого берега.

Определить, где именно проходил Мнацакановский мост, совсем не трудно. На его правой опоре сейчас стоит ресторан «Крцаниси», напротив, через реку, четко видны остатки второй опоры. Так что тбилисцы, за неимением Ортачальских садов, кутящие сейчас в этом ресторане, не забывают поднять тост за почетного горожанина Ивана Мнацаканова.

ПРЕМЬЕРА В ГРИБОЕДОВСКОМ!

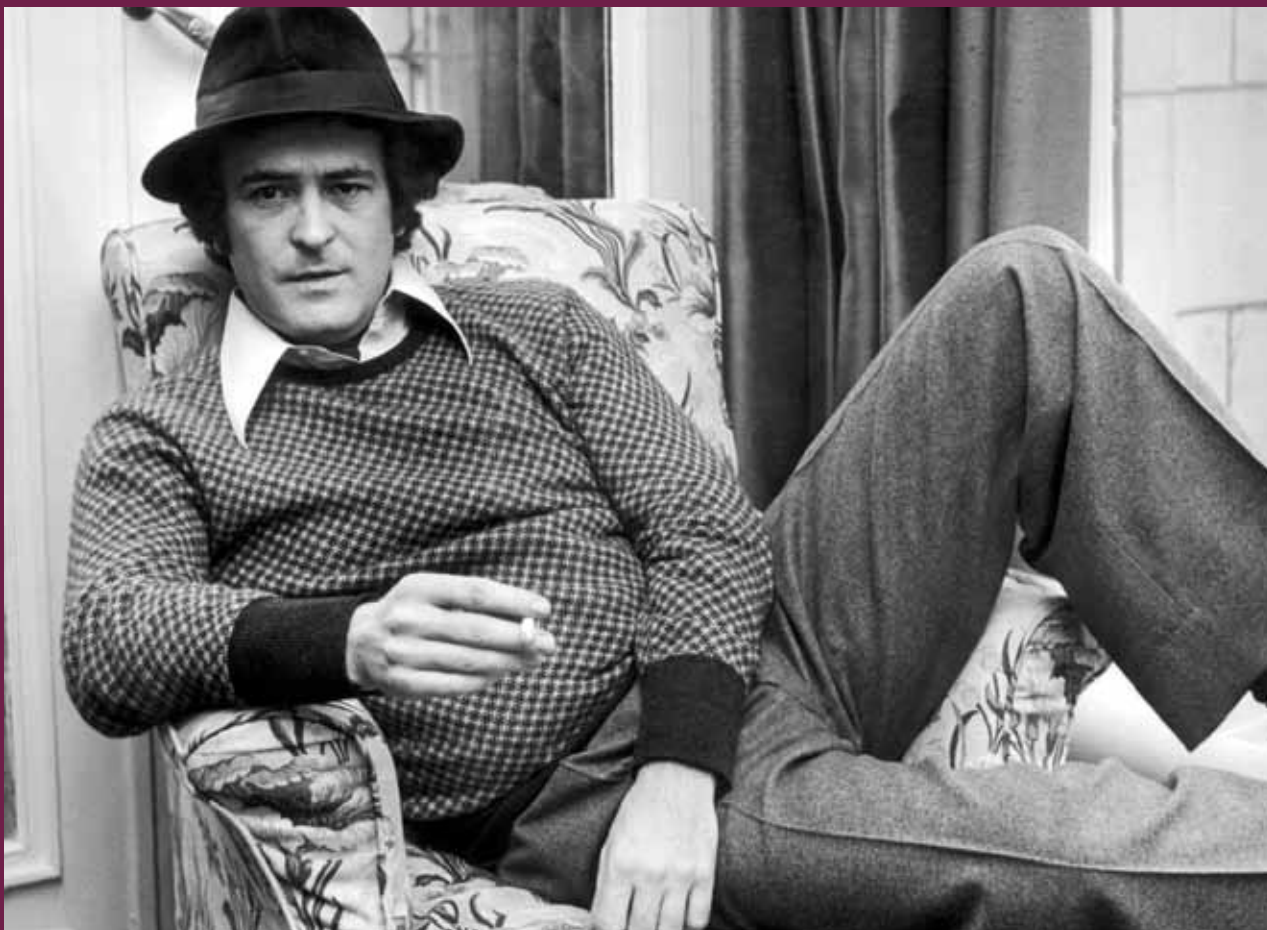
Драма Ингмара Вилквиста
«НОЧЬ ГЕЛЬВЕРА»

Режиссер – Гого Маргвелашвили
Художник – Шота Багалишвили
Автор плаката – Марк Поляков
Продюсер – Николай Свентицкий

В ролях:
Ирина Мегвинетуцеси
Бека Медзмаришвили

БЛИЖАЙШИЕ ПОКАЗЫ
12, 17 И 24 МАРТА

Проект осуществлен
при поддержке Союза
«Русский клуб»

НАДЕЖДА И РАЗОЧАРОВАНИЕ БЕРНАРДО БЕРТОЛУЧЧИ

■ Сосо ТУГУШИ

Бернардо Бертолуччи и его политический кинематограф стоят обособленно на пьедестале славы не только в итальянском, но и в европейском кинематографе.

Дебют режиссера состоялся в эпоху «золотого века» итальянского кино, подарившего современной культуре многих талантливых мастеров, завоевавших мировую славу. Режиссер-авангардист Бертолуччи в каждом новом фильме предлагал свои новаторские поиски. Они обогатили не только художественный арсенал режиссуры и способы выражения идеи, но и способствовали эволюции языка кино, влияли на стиль и форму, создавали новый поток художественного и философского мышления. Такое сочетание способствова-

ло успеху картин мастера. Появление каждого нового фильма Бертолуччи становилось событием в мировой культурной жизни.

В 60-е годы прошлого века активизировались демократические силы. Эта эпоха ознаменовалась молодежными движениями, бунтами. Национальное кино быстро подхватило эти события, и на экране появились ленты, отображающие время. Политическое кино в Италии представляли режиссеры Франческо Роззи, Бернардо Бертолуччи, Валерио Дзурлини, Элио Петри, Дамиано Дамиани, Джулиано Монтальдо и другие.

Политический фильм – это фильм о политике, о ситуации в стране и мире, о политической борьбе на политической карте «горячих точек» планеты, ко-

торыми так был богат XX век. Однако модификации понятия «политический фильм» довольно многообразны, границы между ними не абсолютны.

Время, эпоха определили задачи и цели не только итальянского политического кино, но и других киношкол мира. Авторы лент шли от частных факторов, оценок и наблюдений к социальным и политическим обобщениям. Они брали на вооружение и сатиру, и гротеск, и эпические повествования, и даже приемы полицейского детектива. Они не избегали показа на экране «крупным планом» насилия и жестокости. Бертолуччи отмечал, что зритель должен воспринять «...социальный, политический фильм, обращенный к массовой аудитории, на уровне

искусства».

Политическое кино стало полем настоящих идейных и философских битв, отражающих общественные конфликты современности. Оно обратилось к главным аспектам движения молодежного протеста, раскрывая характер борьбы, а иногда и предугадывая формы, в которые выльется та или иная тенденция.

«Кино – мой инструмент исследования и познания, – говорил Бертолуччи, – всякий фильм для меня – реинкарнация. Я стараюсь сделать фильм, не похожий на предыдущий... Всю свою жизнь я стараюсь меняться... Пытаюсь стать другим, сделать что-то новое». И в каждом фильме он обращался к новым темам и дотошно исследовал их.

Одна из важных тем творчества Бертолуччи – тема двойничества. Исследование этой проблемы режиссер предлагает в картине «Партнер» (1968).

Тема двойника возникла еще в XVIII веке в литературе эпохи романтизма. У романтиков двойник человека появляется как темная сторона личности или антитеза ангелу-хранителю. В поэме «Кристаллы» (1797) английского поэта-романтика и философа С.Т. Кольриджа его представляет Джеральдина, один из первых двойников в европейской литературе. В произведениях некоторых авторов персонаж не отбрасывает тени и не отражается в зеркале. Его появление зачастую предвещает смерть героя. Тема двойника глубоко раскрыта в творчестве немецких романтиков: в повести «История Петера Шлеммеля» (1813) А. фон Шамиссо и в произведениях Гофмана («Эликсиры сатаны», «Песочный человек», «Двойники»). От Гофмана тема мистического, часто демонического двойничества перекочевала в произведения русских классиков, например, А.С. Пушкина («Уединенный домик на Васильевском»), В.Ф. Одоевского («Сильфида»), Н.В. Гоголя («Шинель»), Ф.М. Достоевского («Двойник»), М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»).

В кинематографе тема двойничества впервые появилась в ленте «Пражский студент» (1913) Стеллана Рюэ и Пауля Вегенера. Отчаявшийся студент

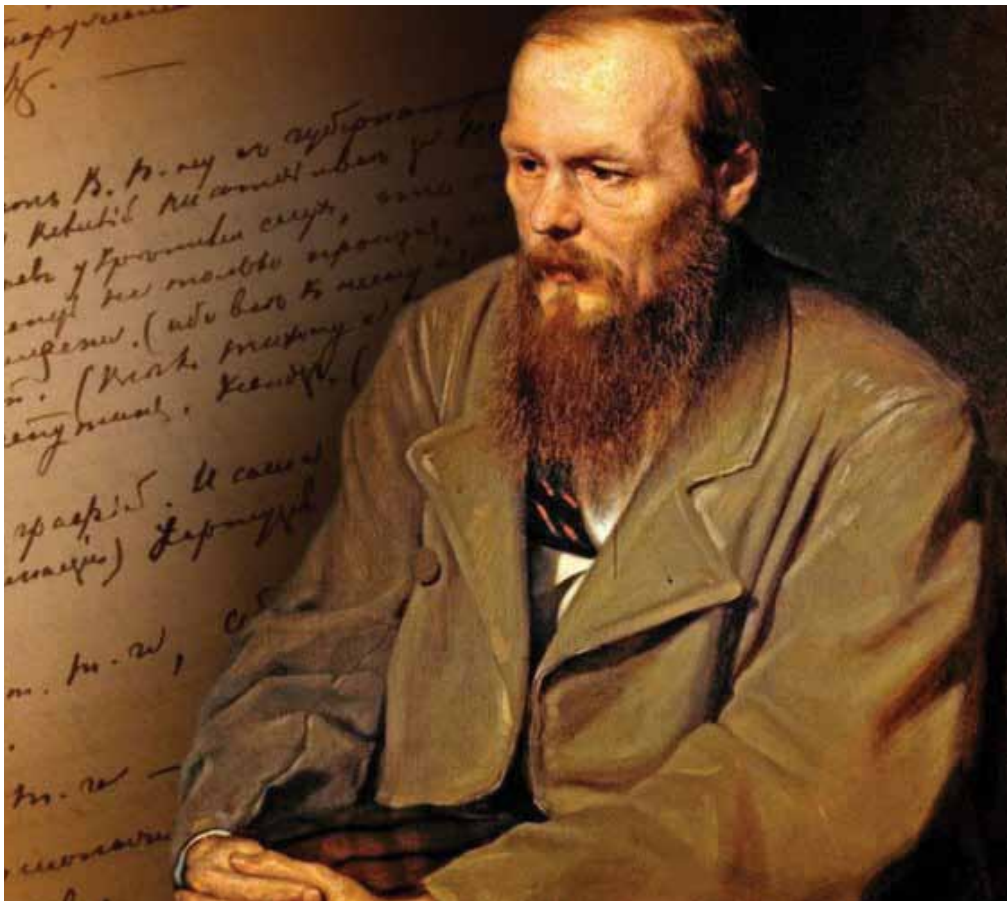
стреляет в двойника, но погибает сам, так как на самом деле они с двойником неразделимы. Картина Рубена Мамуляна «Доктор Джекилл и мистер Хайд» (1931) снята по знаменитой «готической повести» Роберта Стивенсона (кстати, «Странную историю доктора Джекилла и мистера Хайда» экранизировали более шестидесяти раз). В триллере «Незнакомцы в поезде» (1950) Альфреда Хичкока двойниками предстают молодой, подающий надежды теннисист Гай Хэйнс и весьма странный и загадочный субъект Бруно Энтони. В картине «Завещание доктора Корделье» (1961) Жана Ренуара главный герой, утонченный доктор, имеет своего звероподобного двойника, воплощающего темные, низменные стороны природы героя. В ленте «Человек-паук» (2002) Сэма Рейми двойник представлен как Зеленый Гоблин, альтер эго Нормана Осборна, суперзло го персонажа из американских комиксов издательства Marvel Comics. В фантастической драме «Другая Земля» (2011) Майка Кэхилла двойник представлен как светлая сторона личности.

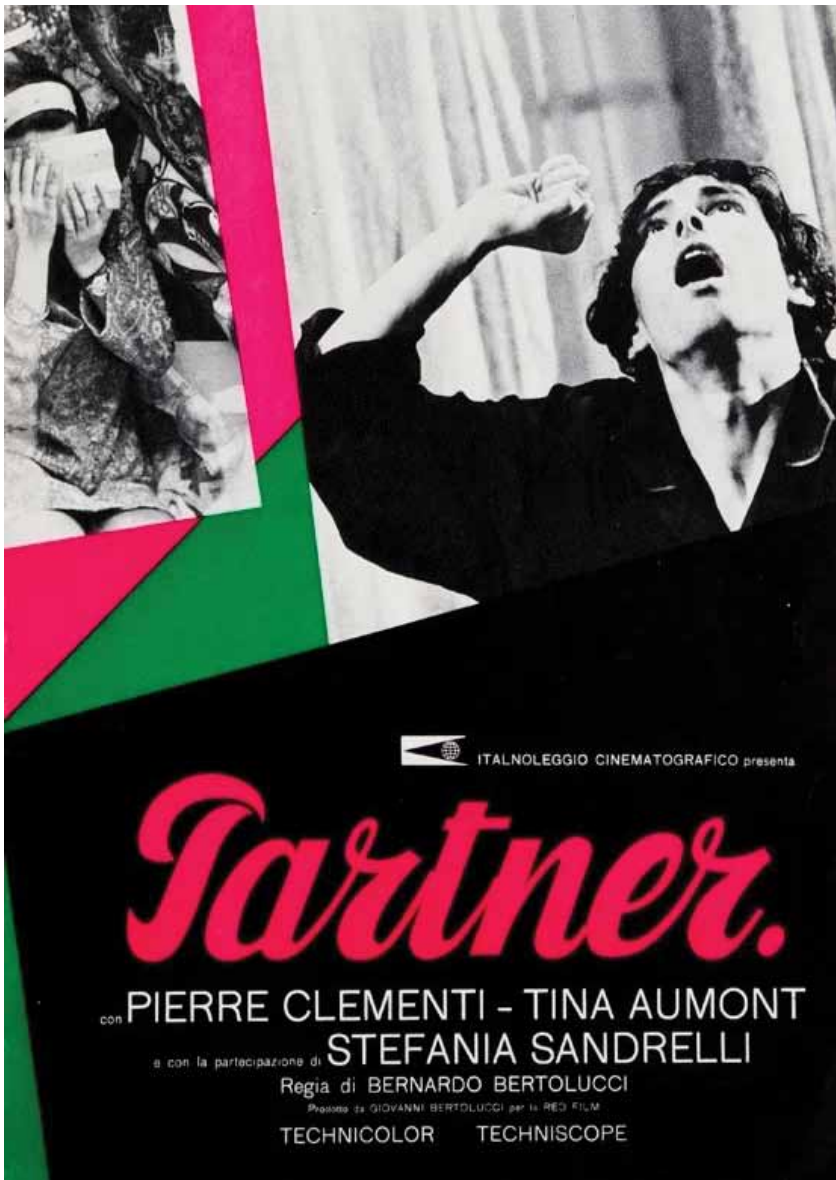
Фильм Бернардо Бертолуччи «Партнер» был поставлен по мотивам повести Ф.М. Достоевского «Двойник». Режиссер осмеивал нравы буржуазного «общества потребления», отражая настроения молодежного бунта конца 60-х годов XX века.

Бертолуччи, отразив итальянскую действительность того периода, довольно своеобразно вписал материал повести Достоевского в события 1968 года – тревожное время для современного мира. В своей картине, помимо революционных проблем, режиссер рассуждает о насилии, терроризме, бесчеловечности. Фильм сделан на стыке реальности и фантазии. По мнению Бертолуччи, действия гошистов, ультра-революционеров, маоистов и троцкистов, насаждавших революционные настроения в массах, напрямую связаны с бесплодными спорами интеллектуалов, которые желали бунта без крови, с конформизмом буржуа, стремящихся пересидеть в сторонке бурные времена.

Герой картины Джакобе (у Достоевского – Яков Голядкин) –

Ф.М. Достоевский

драматический актер, ассистент профессора, преподающего драматургию. Он и в жизни играет драму, считая жизнь той сценой, где можно в полной мере проявить принципы «театра жестокости», сформулированные Антуаном Артом. Он живет идеей совершить этот смелый революционный шаг. Однако идеалист чувствует себя обиженным природой и хочет убежать от этого чувства, но... появляется «партнер», его двойник. Он ощущает слабость Джакобе и каждый раз старается воздействовать на него своей дьявольской силой. Джакобе влюблен в дочь своего профессора, но не может сблизиться с ней, а двойнику удается пробудить в девушке чувство. Овладев молодой прекрасной девушкой, Джакобе утопил ее в пене стирального порошка. Именно он стал для Джа-

кобе тем партнером, который реализовал все его желания, именно он сыграл главную роль в «театре жестокости» – толкнул актера на преступление. Таким образом один человек разделен на два индивидуума, но они не могли сосуществовать гармонично – это разные люди с разными характерами и разным мироощущением. Двойник постепенно начинает терять уверенность в себе. Он напоминает искусственного человека Гомункула из гетевского «Фауста», который имел человеческое тело, но не был наделен душой. Во время подавления студенческой демонстрации двойник терпит поражение, и здесь режиссер сопоставляет два «Я»: оригинал и его аналог. Джакобе жесток, но все же в нем есть человечность, а партнер с его жадностью власти над людьми бездушен.

«В фильме «Партнер» сказалось мое чувство разочарования», – объяснял режиссер.

Бертолуччи говорит о духовном крахе индивидуума с раздвоением личности, о том, что человек с большей охотой вступает в игры, которые предлагает ему общество, чем действует по собственной воле, поэтому и не сопротивляется насилию. Этот «спектакль» в «театре жестокости», в котором человек и его двойник играли свои роли, так и не завершился. Идеалист остается идеалистом с нереализованными идеями о революции, а «реалист» терпит неудачу в игре. Мучительное раздвоение сознания определяет кризис человеческой души – и до революции, и после нее.

Бертолуччи так говорил о настроениях общества в этот пери-

од: «В 68-м мы ложились спать, твердо зная, что проснемся в будущем. Мы жили надеждой, что мир изменится. Мы ощущали себя частью этих изменений». 60-е годы, по словам режиссера, оставили в его творчестве «весьма значительный след, это были годы эксперимента, исследований и изобретений». Но надежды, которыми они жили в это время, обернулись жестоким разочарованием.

НЕЗАМЕНИМЫЙ

Скромный, светлый человек, он тихо жил и тихо ушел...

Ушел, успев внести громадный вклад в современную сценографию, создав такие произведения театрального искусства, которые навсегда останутся в сокровищнице театра – как безупречный эталон мастерства, неповторимый образец уникального таланта.

Он – Мириан Швелидзе, Народный художник Грузии, лауреат Государственной премии Грузии имени Шота Руставели, великий сценограф, полноправный соавтор спектаклей «Кваркваре», «Ричард III», «Король Лир» (режиссер – Роберт Стура, Театр имени Ш. Руставели), «Холстомер. История лошади», «Мастер и Маргарита», «Ревизор», «Шинель» (режиссер – Автандил Варсимашвили, Театр им. А.С. Грибоедова), «Игроки» Н. Гоголя, «Убить мужчину» Э. Радзинского, «Старший сын» А. Вампилова (режиссер – Гоги Маргвелашвили, Театр им. А.С. Грибоедова), «Вишневый сад» А. Чехова (режиссер – Андро Енукидзе, Театр им. А.С. Грибоедова) – более 100 постановок в театрах Грузии, России,

«Вишневого сада». Реж. Андро Енукидзе. 2015

«Игроки». Реж. Георгий Маргвелашвили. 2016

«Холстомер. История лошади». Реж. Автандил Варсимашвили. 2012

«Шинель». Реж. Автандил Варсимашвили. 2019

Украины, Греции, Израиля и других стран.

Коренной тбилисец, Мириан Швелидзе окончил художественное училище имени Якова Николадзе, Академию художеств (мастерская Парны Лапишвили). Без малого полвека прослужил в Грузинском государственном академическом театре имени Шота Руставели, где был главным художником.

Его первая работа – спектакль «Кваркваре» в театре Руставели – потрясла сразу же и безусловно доказала: смотрите и удивляйтесь, в искусстве появился новый выдающийся художник.

Так оно и оказалось. На протяжении своего долгого творческого пути Мириан Швелидзе не переставал поражать, подымаясь все выше и выше по «лестнице в небо» – ступенька за ступенькой, спектакль за спектаклем.

Как говорит Роберт Стура: «От Мириана можно было ожидать чего угодно, только не банальности».

«Я и сам иногда не понимаю, как все происходит, как рождается решение спектакля, – рассказывал художник. – Пока что-нибудь придумаешь, делаешь тысячи набросков и все время сомневаешься – прав ли ты,

та ли это стилистика... Я очень люблю осваивать сценическое пространство. Но какое же это сложное дело...» Да и можно ли ответить на вопрос, как рождается магия спектакля, магия его сценического оформления? Наверное, нет. Эту тайну художники всегда уносят с собой.

Своей последней премьеры – «Отелло» в «Свободном театре» А. Варсимашвили – Мириан Швелидзе не дождался.

Спектакль станет прощальным посмертным подарком художника зрителю...

Спасибо, Маэстро!

თბილისის ა.ს. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო აკადემიური რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

სეზონი 176
СЕЗОН 176

მარტი MАРТ 2022

ივან ბუნინი
**სიყვარულის
სეივნები**
საბედისწერო ისტორიები
დამდგმელი რეჟისორი
ავთანდილ ვარსიმაშვილი

25 მარტი
март

**Иван Бунин
АЛЛЕИ
ЛЮБВИ**
Роковые истории
Режиссер-постановщик
АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

4 პარ. Пт.	ა. კრისტი А. Кристи 18.00	ინგლისური დეტექტივი ირონიული დეტექტივი (მცირე დარბაზი)	АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ Иронический детектив (Малый зал)		
5 შაბ. Сб.	ი. ტურგენევი И. Тургенев 18.00	მღვდელი მელოდრამა (მცირე დარბაზი)	НАХЛЕБНИК Мелодрама (Малый зал)		
6 კვ. Вск.	ჰ.-ქ. ანდერსენი Г.-Х. Андерсен 12.00	თოვლის დედოფალი მუსიკალური ზღაპარი (დიდი დარბაზი)	СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА Музыкальная сказка (Большой зал)		
11 პარ. Пт.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь 18.00	მოთამაშეები კომედია (მცირე დარბაზი)	ИГРОКИ Комедия (Малый зал)		
12 შაბ. Сб.	ი. ვილკვისტი И. Вилквист 18.00	ჰელვერის ღამე დრამა (დიდი დარბაზი)	НОЧЬ ГЕЛЬВЕРА Драма (Большой зал)		
13 კვ. Вск.	ს. აქსაკოვი С. Аксаков 12.00	ალისფარი ყვავილი მუსიკალური ზღაპარი (მცირე დარბაზი)	АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК Музыкальная сказка (Малый зал)		
17 ხუთ. Чт.	ი. ვილკვისტი И. Вилквист 19.00	ჰელვერის ღამე დრამა (დიდი დარბაზი)	НОЧЬ ГЕЛЬВЕРА Драма (Большой зал)		
18 პარ. Пт.	მ. ბულგაკოვი М. Булгаков 18.00	ივან ვასილევინი კომედია (მცირე დარბაზი)	ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ Комедия (Малый зал)		
19 შაბ. Сб.	ა. ვარსიმაშვილი А. Варсимашвили 18.00	ალჟირი დოკუმენტური დრამა (მცირე დარბაზი)	А.Л.Ж.И.Р. Документальная драма (Малый зал)		
20 კვ. Вск.	ა. პუშკინი А. Пушкин 12.00	ზღაპარი სალთან მეფეზე მუსიკალური ზღაპარი (მცირე დარბაზი)	СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ Представление (Малый зал)		
24 ხუთ. Чт.	ი. ვილკვისტი И. Вилквист 19.00	ჰელვერის ღამე დრამა (დიდი დარბაზი)	НОЧЬ ГЕЛЬВЕРА Драма (Большой зал)		
25 პარ. Пт.	ი. ბუნინი И. Бунин 18.00	სიყვარულის სეივნები საბედისწერო ისტორიები (დიდი დარბაზი)	АЛЛЕИ ЛЮБВИ Роковые истории (Большой зал)		
26 შაბ. Сб.	ა. ოსტროვსკი А. Островский 18.00	ჭაქა-ქუნილი დრამა (მცირე დარბაზი)	ГРОЗА Драма (Малый зал)		
27 კვ. Вск.	რ. კიპლინგი Р. Киплинг 12.00	მაუგლი მუსიკალური წარმოდგენა (დიდი დარბაზი)	МАУГЛИ Музыкальное представление (Большой зал)		

www.griboedovtheatre.ge
www.biletebi.ge

ცნობები ტელეფონებზე:
Справки по телефонам: 2-93-11-06, 2-93-43-36

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი, კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

Художественный руководитель театра АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили

**Село Гореловка (Самцхе-Джавахеги).
«Сиротский дом» – духовный центр духоборов, которому Указом
Президента Грузии присвоен статус «Музея-заповедника русской
духоборческой культуры, зодчества и быта».**

Фото Александра Сватикова